

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№3(110)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2026

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СХ международной
научно-практической конференции*

№ 3 (110)
Март 2026 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2026

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам СХ междунар. науч.-практ. конф. – № 3 (110). – М.: Изд. «МЦНО», 2026. – 74 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2026

Оглавление

Раздел 1. Социология	5
1.1. Социальная структура, социальные институты и процессы	5
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ Хакназаров Саидмурод Хамдамович	5
1.2. Социология управления	11
СОЦИАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОБЗОР МИРОВЫХ И РОССИЙСКИХ ПРАКТИК Калмыков Николай Николаевич	11
Раздел 2. Юриспруденция	22
2.1 Информационное право	22
ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОРГАНЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ Воропаева Елена Валерьевна Поляков Илья Александрович	22
2.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	30
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОГО ДИАЛОГА: ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Ефимин Егор Сергеевич Командирова Татьяна Геннадиевна	30
2.3. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность	36
ВОЕННЫЙ СУД В РЕСПУБЛИКЕ ГВИНЕЯ-БИСАУ В СРАВНЕНИИ С ВОЕННОЙ ЮСТИЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Коста Шилтон Анибал	36

2.4. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	43
РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОСЛОВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XII–XV ВВ.): ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ Сирохин Антон Игоревич	43
2.5. Трудовое право; право социального обеспечения	48
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Тимошкин Никита Евгеньевич	48
2.6. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	53
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАНОВ МОРСКИХ И РЕЧНЫХ СУДОВ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ В РЕЙСЕ Лащевский Денис Вячеславович	53
2.7. Уголовный процесс	61
ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Шишигин Айсен Егорович	61
Articles in English	66
Section 1. Sociology	66
1.1. Social Structure, Social Institutions, and Processes	66
TRADITIONAL AND MODERN IMAGES OF KAZAKH KELIN IN THE DIGITAL SPACE Sautbayeva Rima Sultanbekovna	66

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

СОЦИОЛОГИЯ

1.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Хакназаров Саидмурод Хамдамович

канд. геол.-минерал. наук, доц.,

*Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок,*

РФ, г. Ханты-Мансийск

A PUBLIC VIEW ON THE USE AND SOCIAL SIGNIFICANCE OF THE NATIVE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH OF THE BEREZOVSKY DISTRICT OF UGRA: A COMPARATIVE ASPECT

Khaknazarov Saidmurod Khamdamovich

Candidate of Geological and Mineralogical Sciences,

Associate Professor,

Ob-Ugric institute of applied researches and projects,

Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В данной работе рассматриваются взгляды представителей коренных малочисленных народов Севера Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на использование и общественной значимости их родных языков в сравнительном аспекте. В частности обобщаются итоги социологического опроса, проведенного в 2025 г. по рассматриваемой тематике на территории рассматриваемого района.

Abstract. This paper examines the views of representatives of the indigenous peoples of the North of the Berezovsky region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra on the use and social significance of their native languages in a comparative aspect. In particular, the results of a sociological survey conducted in 2025 on the topic under consideration in the territory of the region under consideration are summarized.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Березовский район, родной язык, использование, общественная значимость, респонденты.

Keywords: indigenous peoples of the North, Berezovsky district, native language, use, social significance, respondents.

Вопросы сохранения и развития родного языка любого этноса в многонациональном государстве обусловлено комплексом объективных обстоятельств. Условия функционирования и статус языков в различных сферах жизни общества определяет законодательство о языках, которое выступает основным инструментом языковой (национальной) политики государства [1]. В то же время жизнеспособность языка и возможность дальнейшего развития связаны с уровнем его функциональности, т. е. количеством его общественных функций и интенсивностью использования, степенью владения представителями этноса своим родным языком [2]. На территории Березовского района [3] проживает почти пятая часть всех коренных жителей автономного округа (ханты, манси и ненцы), где их доля составляет около 28,0% жителей от общей численности населения района.

Социологическое исследование (2025 г.) проведено методом анкетирования с выездом в места компактного проживания коренных народов Севера. Результаты исследования обработаны и выполнены в программе для обработки социологической информации «Vortex-10».

В Березовском районе в рамках мониторинга было опрошено 198 респондентов, проживающих в 9 населенных пунктах, по гендерному признаку – 159 (80,3%) женщин и 39 (19,7%) мужчин соответственно. По национальному признаку большая часть респондентов (135 чел.) отнесли себя к манси, к хантам – 46 чел. и ненцам – 10 чел.

Возраст респондентов от 20 до 61 и старше лет. По образовательному уровню большинство респондентов имеют среднее (40,9%) и среднее специальное/профессиональное (34,3%) образование, высшее и незаконченное высшее (15,1%). При ответе на вопрос: «*Ваш родной язык?*» большинство опрошенных (58,5% / 61,4%) рассматриваемого района, выбрали в качестве родного языка мансийский язык (северный диалект). 21,5% (26,7%)¹ респондентов назвали родным языком – хантыйский язык и 1,5% (2,3%) – ненецкий. Считают родным языком русский язык – 18,5% (9,6%) респондентов. Как видим, наблюдается рост доли респондентов считающих русский язык своим родным языком. Одновременно наблюдается незначительное уменьшение доли респондентов, которые считают своим родным языком: мансийский (на 2,9%) и хантыйский (на 5,2%). Рассматривая вопрос уровня владения родным языком, отметим, что в целом владеют родным языком в той или иной степени 84,8% респондентов рассматриваемого района.

Отвечая на соответствующий вопрос, в качестве причин не владения родным языком, большинство ответивших (42,0% / 58,0%) выбрали вариант «нет языковой среды (не с кем разговаривать)». 26,1% (31,9%) ответивших отметили вариант «не научили в детстве» и 10,2% (5,9%) – «не преподавали в школе» и 12,7% (4,2%) заявили, что «нет желания». Сравнивая данные, отметим, что значительно увеличилась доли тех респондентов, у которых нет желания знать или владеть свой родной язык (на 8,5%).

Результаты опроса показали, что значительное большинство респондентов (89,4% / 76,7%) отметили, в семье в основном общаются на русском языке. На родном и русском языках в равной степени общаются в семье 8,1% (16,5%) респондентов. Лишь 3,5% (5,7%) респондентов в семье общаются на родном языке. Как видим, респонденты в семейном кругу в основном общаются на русском языке (увеличение на 12,1%). Заметим, что, как правило, брак с представителем другой национальности или низкий уровень владения родным языком отражается на том, что в семьях может вестись общение в основном на русском языке, или в равной степени на родном и русском языках (таблица 1).

¹ В скобках и через черточку указаны данные опроса за 2024 г.

Таблица 1.

**Ответы респондентов на вопрос:
«На каком языке или языках Вы обычно общаетесь в семье?»**

Варианты ответов	Национальность									
	Манси		Ханты		Ненец		Другой		Итого	
	F	%	F	%	F	%	F	%	F	%
На родном языке	2	1,5	3	6,5	1	10,0	1	14,3	7	3,5
На русском языке	122	90,4	42	91,3	8	80,0	5	71,4	177	89,4
На родном и русском языках в равной степени	10	7,4	5	10,9	1	10,0	0	0,0	16	8,1
На другом языке	3	2,2	0	0,0	0	0,0	1	14,3	4	2,0
Затрудняюсь ответить	3	2,2	0	0,0	1	10,0	0	0,0	5	2,0
Итого	135	103,7	46	108,7	10	120,0	7	100,0	198	105,6

Оценивая общественную значимость своего родного языка на сегодняшний день на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 29,8% (41,5%) респондентов оценили «как недостаточно высокую», тогда как, напротив, «достаточно высокую» и «высокую» – 22,2% (19,3%) и 19,2% (9,7%) соответственно. Как «низкую» общественную значимость родного языка оценили 21,7% (17,6%) из числа опрошенных. Ответы на данный вопрос показывают, что по сравнению с предыдущим опросом, наблюдается уменьшение части респондентов, считающие общественную значимость своего родного языка «как недостаточно высокую» (на 12,0%). Наоборот заметно увеличение доля лиц, оценивающих общественную значимость своего родного языка своего как «достаточно высокую» (на 2,9%) и «высокую» (на 9,5%) (таблица 2).

Таблица 2.

Ответы респондентов на вопрос: «Как бы вы оценили общественную значимость Вашего родного языка в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на сегодняшний день?»

Варианты ответов	Национальность									
	Манси		Ханты		Ненец		Другой		Итого	
	F	%	F	%	F	%	F	%	F	%
Затруднялись ответить	10	7,4	3	6,5	0	0,0	1	14,3	14	7,1
Как высокую	22	16,3	11	23,9	4	40,0	1	14,3	38	19,2
Как достаточно высокую	31	23,0	11	23,9	0	0,0	2	28,6	44	22,2
Как недостаточно высокую	43	31,9	10	21,7	5	50,0	1	14,3	59	29,8
Как низкую	29	21,5	11	23,9	1	10,0	2	28,6	43	21,7
Итого	135	100,0	46	100,0	10	100,0	7	100,0	198	100,0

В ходе предыдущих опросов, отвечая на вопрос о том, читают ли респонденты газеты и журналы на своем родном языке² [4], 26,7% респондентов выбрали вариант «не читаю», еще 4,0% сослались на отсутствие возможности читать. В заключение отметим, что значительная часть респондентов Березовского района, выбрали в качестве родного языка мансийский язык. В качестве основной причины незнания своего родного языка, большая часть респондентов выбрали вариант «нет языковой среды (не с кем разговаривать)» и «не научили с детства». Значительное большинство респондентов отметили, что в семье в основном общаются на русском языке. На родном языке общаются в семье лишь незначительная часть респондентов. Общественную значимость своего родного языка на сегодняшний день на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры оценили как недостаточно высокую. Наблюдается увеличение доли лиц, оценивающие общественную значимость своего родного языка своего как «достаточно высокую» и «высокую» и уменьшение доли респондентов, считающие общественную значимость своего родного языка «как недостаточно высокую».

² Данный вопрос в опросе 2025 г. не рассматривалась.

Список литературы:

1. Доржиева В.В., Слепцова О.Ю. Проблемы сохранения родных языков коренных малочисленных народов Севера (на материалах Магаданской области). – URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2018.9.13> (Дата обращения: 03.03.2025).
2. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы: материалы парламентских слушаний. – М., 2011. – 120 с.
3. Итоги социально-экономического развития Березовского района за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berezovo.ru/inform/messages/162652/> (дата обращения: 03.03.2025).
4. Хакназаров С.Х. Использование и общественная значимость родных языков коренных народов Севера: на примере Березовского района Югры // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам ХСVIII междунар. науч.-практ. конф. – № 3 (98). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 42 с. С. 9-13.

1.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОБЗОР МИРОВЫХ И РОССИЙСКИХ ПРАКТИК

Калмыков Николай Николаевич

канд. социол. наук, председатель

ММО «Объединение наставников»,

РФ, г. Москва

Аннотация. В работе представлен обзор мировых и российских практик вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность с акцентом на социально-архитектурный подход, рассматривающий университетскую среду как активный фактор, формирующий устойчивые траектории участия в НИР. На основе сравнительного анализа научных публикаций, материалов конференций и описаний программ поддержки систематизированы ключевые организационные решения: интеграция исследовательских заданий в образовательные программы, закреплённое наставничество, конкурсно-грантовые инструменты, программы стажировок и академической мобильности, а также механизмы признания результатов и обратной связи [1, с. 42–46; 3, с. 99–103; 7, с. 179–180; 9–23]. Показано, что воспроизводимость практик обеспечивается согласованностью инфраструктурного, цифрового, регулятивного и коммуникативно-семиотического компонентов среды. Для российского контекста выделены организационные ограничения и предложены направления их преодоления, ориентированные на проектирование связанной социальной архитектуры студенческой науки.

Ключевые слова: студенческая наука, научно-исследовательская деятельность, исследовательские компетенции, наставничество, организационная поддержка, университетская наука.

Введение

Развитие экономики знаний и трансформация профессиональной структуры занятости усиливают требования к качеству подготовки

выпускников вузов. Научно-исследовательская деятельность студентов рассматривается как один из ключевых инструментов формирования аналитического мышления, навыков самостоятельной работы и способности к инновационной деятельности. Вовлечение обучающихся в реальные исследовательские проекты способствует не только углублению профессиональных знаний, но и формированию устойчивой академической мотивации.

Цель исследования – проанализировать мировой и российский опыт вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность и определить организационные механизмы повышения её эффективности в системе высшего образования Российской Федерации.

Объект исследования – практики вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность в системе высшего образования.

Предмет исследования – организационные механизмы и условия, обеспечивающие воспроизводимость и результативность вовлечения студентов в НИР.

Методология исследования основана на сравнительном анализе научных публикаций и материалов конференций, а также описаний университетских и грантовых программ, направленных на развитие студенческой науки [1, с. 42–46; 2, с. 148–151; 3, с. 99–103; 5; 6; 7, с. 179–180; 8, с. 202–204]. Дополнительно применяется социально-архитектурный анализ, позволяющий рассматривать вовлечение студентов в НИР как результат конфигурации университетской среды.

Социально-архитектурный подход

В социально-архитектурной оптике вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность определяется не только индивидуальной мотивацией и кадровыми ресурсами, но и дизайном многомерной среды вуза. Под социальной архитектурой понимается динамически формируемая система организации среды, включающая инфраструктурные, цифровые, нормативно-регулятивные и коммуникативно-семиотические компоненты, а также устойчивые историко-культурные паттерны. Среда в данном случае выступает активным фактором: она задает правила доступа к ресурсам, форматы научной коммуникации, механизмы признания результатов и контуры обратной связи.

Социально-архитектурный подход позволяет интерпретировать программы и мероприятия (конкурсы, гранты, стажировки) как элементы целостной «траектории входа» в НИР: какие барьеры входа снимаются, какие стимулы закрепляются, какие формы наставничества воспроизводятся и за счёт каких цифровых и организационных контуров достигается масштабируемость практик.

1. Международные модели вовлечения студентов в исследовательскую деятельность

Помимо базовых подходов (интеграция исследований в учебный процесс, наставничество, стимулирующее финансирование, академическая мобильность) в международной практике закрепились программные решения, позволяющие рано включать студентов в исследования и снижать барьеры входа. Так, в США широко известна программа исследовательских практик для бакалавров Research Experiences for Undergraduates (REU), реализуемая при поддержке Национального научного фонда; она ориентирована на включение бакалавров в действующие исследовательские проекты и специализированные исследовательские инициативы [9; 10]. В Канаде сопоставимую функцию выполняют стипендии Tri-Agency Undergraduate Student Research Awards (USRA), направленные на формирование интереса к научной карьере и получение опыта исследований в академической среде [11]. В европейском контексте важную роль играют международные летние исследовательские практики, в том числе программа DAAD RISE Germany, обеспечивающая доступ бакалавров к стажировкам в университетах и исследовательских институтах Германии [12]. Дополняют эти инструменты программы стажировок, привязанные к исследовательским советам и приоритетам развития научных направлений: примером является NERC Undergraduate Research Experience Placements (REPs) в Великобритании, а также механизмы летних исследовательских стажировок, реализуемые через партнёрства по подготовке исследователей (doctoral training partnerships, DTP) отдельных советов UKRI (например, EPSRC) [13; 14].

В качестве дополнительных, но широко распространённых механизмов вовлечения целесообразно отметить программы академической мобильности и крупные рамочные инициативы, формирующие международные исследовательские сети. Так, Erasmus+ выступает устойчивым каналом участия студентов в обучении и стажировках (в том числе исследовательского профиля) в зарубежных организациях, обеспечивая накопление опыта и расширение профессиональных контактов [20]. В европейском научном пространстве рамочная программа Horizon 2020 закрепила сетевые форматы исследований и инноваций, в которых университеты вовлекают молодых участников академических команд [21]. В Австралии инструмент Research Training Program (RTP) поддерживает подготовку исследователей и выстраивание исследовательских траекторий на уровне университетов [22]. В Японии сопоставимую инфраструктурную функцию выполняют программы Japan Society for the Promotion of Science (JSPS), поддерживающие исследовательские проекты и международные научные связи [23].

Сводный перечень практик и примеров (для полноты обзора). Международные инструменты: NSF REU (США) [9; 10]; Tri-Agency USRA (Канада) [11]; DAAD RISE Germany (Германия) [12]; UKRI NERC REPs и EPSRC summer/vacation internships (Великобритания) [13; 14]; Erasmus+ (академическая мобильность и стажировки) [20]; Horizon 2020 (сетевые исследовательские форматы ЕС) [21]; RTP (Австралия) [22]; JSPS (Япония) [23]. Российские инструменты: программа «УМНИК» [15]; программа «Приоритет 2030» и её механизмы университетской трансформации [16; 17]; конкурсы и грантовые мероприятия РНФ (в т.ч. треки для молодых руководителей и научных коллективов) [18]; проектно-предпринимательские форматы Университета «Сириус» [19]. Базовые массовые формы вовлечения в вузах: студенческие научные общества, регулярные студенческие конференции и конкурсы, устойчивые каналы информирования и поддержки (организационные и цифровые) [2, с. 148–151; 3, с. 99–103; 5; 7, с. 179–180].

Общим для этих программ является закрепленная роль научного наставника, понятные и прозрачные процедуры отбора и финансирования (стипендия, компенсация проживания, оплата стажировки), что позволяет сосредоточить усилия на исследовательской задаче и повышает устойчивость участия и качество результатов.

В университетах Европы и Северной Америки исследовательская деятельность нередко интегрирована в учебный процесс с первых курсов. Практика бакалаврских исследований (undergraduate research) ориентирована на раннее формирование исследовательских компетенций и культуру научной коммуникации. Акцент делается на наставничестве и организационной поддержке научной активности студентов.

В ряде стран развиваются модели взаимодействия университетов и индустриальных партнёров, позволяющие включать студентов в прикладные проекты и стажировки, интегрированные в исследовательскую инфраструктуру (программы стажировок, летние исследовательские стажировки) [13; 14]. Такой формат способствует развитию профессиональной идентичности и повышению практической значимости обучения.

Международный опыт показывает, что устойчивые результаты достигаются при сочетании организационной поддержки университетов, финансовых инструментов стимулирования и развитой инфраструктуры научной коммуникации [7, с. 179–180; 8, с. 202–204]. В социально-архитектурной перспективе это означает согласованность инфраструктурного, цифрового и регулятивного контуров среды с контуром наставничества и признания результатов.

2. Российский опыт и организационные ограничения

В российской системе высшего образования используются различные формы вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность [1, с. 42–46; 2, с. 148–151; 5; 6]. К базовым относятся деятельность студенческих научных обществ, участие в внутривузовских и всероссийских конкурсах научных работ, включение обучающихся в грантовые программы, а также внедрение проектного и исследовательского обучения.

Федеральные инициативы последних лет направлены на развитие университетской науки и повышение её конкурентоспособности, включая поддержку образовательной среды и студенческих исследовательских инициатив [1, с. 42–46]. Возрастает роль программной поддержки университетов и внешних грантовых инструментов как каналов вовлечения студентов в исследовательскую и проектную деятельность.

Среди практик, закрепившихся на уровне университетов и внешних программ поддержки, выделяются несколько групп инструментов. Во-первых, это грантово-конкурсные программы, ориентированные на молодых инноваторов и технологические проекты студентов; показателен пример программы Фонда содействия инновациям «УМНИК», формирующей связку «научный результат – прототип – стартап-траектория» [15]. Во-вторых, это программная трансформация университетов с акцентом на развитие научно-технологических проектов и вовлечение обучающихся в исследовательскую повестку: государственная программа «Приоритет 2030» ориентирована на формирование университетов как центров создания нового знания и технологий; в рамках её логики развиваются проектно-исследовательские траектории и университетские экосистемы НИР [16; 17]. В-третьих, это инструменты поддержки исследований под руководством молодых учёных и формирование научных коллективов, в которые включаются обучающиеся старших курсов и магистранты; соответствующие мероприятия присутствуют в конкурсной линейке Российского научного фонда [18]. В-четвёртых, развиваются проектные форматы на стыке науки и технологического предпринимательства: практики Университета «Сириус» демонстрируют модель вовлечения студентов через проектные команды, научные конкурсы и коммуникацию «от идеи до стартапа», усиливая мотивацию и прикладную направленность НИР [19].

Указанные практики дополняют традиционные формы (студенческие научные общества, конференции, конкурсы) и свидетельствуют о переходе от эпизодического участия студентов в НИР к программно закреплённым траекториям.

Матрица ключевых практик вовлечения (сокращённо) может быть представлена в виде нескольких взаимодополняющих решений. Оплачиваемые исследовательские стажировки (REU, USRA, RISE) обеспечивают «вход» в исследовательскую работу через наставника и финансирование; результатом становятся первые исследовательские продукты (отчёт, постер, доклад) и рост публикационной и конференционной активности [9; 10; 11; 12]. Программы стажировок исследовательских советов UKRI связывают обучение, исследовательскую инфраструктуру и карьерные траектории, формируя устойчивость участия и освоение процедур научной коммуникации [13; 14]. В российском контексте значимы грантовые траектории студенческих проектов (например, «УМНИК»), поддерживающие прототипирование и прикладной результат [15], а также программная трансформация университетов (например, «Приоритет 2030»), закрепляющая проектно-исследовательские траектории и развивающая инфраструктуру (лаборатории, проектные офисы, центры компетенций) [16; 17]. Дополнительный эффект дают конкурсы и гранты, поддерживающие работу научных коллективов (например, мероприятия РФФИ), что расширяет включение обучающихся в деятельность научных групп и публикационные планы [18]. Наконец, проектно-предпринимательские модели (например, «Сириус») увязывают научный поиск, проектирование и коммуникацию результатов с внешними заинтересованными сторонами [19].

Наряду с программными инструментами, описанными выше, существенный вклад в массовое вовлечение студентов в НИР обеспечивают базовые формы университетской научной жизни: деятельность студенческих научных обществ, регулярные студенческие конференции и конкурсы, а также устойчивые каналы информирования о научных возможностях (объявления преподавателей, рассылки, университетские медиа и социальные сети). Эти формы выполняют важную социально-архитектурную функцию – формируют коммуникационные контуры и практики признания, через которые участие в НИР становится для студентов социально закреплённым и воспроизводимым [2, с. 148–151; 3, с. 99–103; 5].

Однако уровень вовлечённости студентов остаётся неоднородным и зависит от организационной зрелости конкретного вуза.

К числу ключевых ограничений относятся недостаточность исследовательской инфраструктуры, высокая нагрузка научных руководителей, фрагментарность взаимодействия вузов и научных организаций, административные барьеры, а также недостаточная популяризация научной карьеры среди студентов.

Проблема имеет системный характер и требует комплексных организационных решений: интеграции науки и образования, поддержки наставничества, а также снижения административных и информационных барьеров участия студентов в НИР (информирование, процедуры заявок, доступ к инфраструктуре) [1, с. 42–46; 2, с. 148–151].

3. Критерии оценки вовлечённости студентов

Оценку результативности вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность целесообразно проводить по совокупности количественных и качественных показателей, соотнесённых с используемыми практиками (матрицей инструментов).

Для повышения валидности оценки целесообразно дополнять статистические показатели регулярным мониторингом: анкетированием студентов, фиксацией обратной связи научных наставников и анализом образовательных траекторий участников (переход к более сложным исследовательским задачам, участие в конференциях и подготовка публикаций). Такой подход позволяет отличать эпизодическое участие от устойчивого включения в НИР [3, с. 99–103].

Количественные показатели целесообразно фиксировать через долю студентов, включённых в исследовательские проекты и программы стажировок, число докладов и публикаций с участием студентов, а также долю обучающихся, получивших внешнюю поддержку (гранты, стипендии, конкурсные формы поддержки) и завершивших проектный цикл (прототипирование, апробация, внедрение – при применимости) [7, с. 179–180; 15; 16; 17].

Качественные показатели (измерение сформированности компетенций) включают сформированность исследовательских компетенций – умение формулировать проблему, работать с источниками и данными, выбирать метод, представлять результаты и аргументировать выводы [7, с. 179–180]. Существенным параметром выступает эффективность наставничества и исследовательской социализации: регулярность консультаций, включённость в научную группу, участие в семинарах и проектных обсуждениях, устойчивость участия в НИР на протяжении семестра или года [3, с. 99–103; 13; 14]. Дополняет оценку показатель устойчивости мотивации и образовательной траектории: переход к магистратуре или аспирантуре, выбор исследовательских тем, ориентация на публикационную активность, участие в конкурсах и научных мероприятиях [9; 10; 11; 12; 16; 19].

Сводный вывод заключается в том, что результативность вовлечения возрастает при организации исследовательских модулей и траекторий (проектно-исследовательская логика), поддержке наставничества

и наличии внешних стимулов (стипендии, гранты, программы стажировок) как механизма снижения барьеров входа [7, с. 179–180; 15; 16; 17].

4. Направления совершенствования практик вовлечения

На основании проведённого анализа предлагаются следующие направления развития студенческой науки в российских вузах (как воспроизводимые организационные решения). Во-первых, требуется системная интеграция исследовательских модулей в учебные планы и проектно-исследовательские траектории в образовательных программах [7, с. 179–180]. Во-вторых, необходимо развивать наставничество и поддерживать научных руководителей через нормирование нагрузки, методическое сопровождение и включение результатов НИР в оценку образовательных результатов [3, с. 99–103; 7, с. 179–180]. В-третьих, важны прозрачные грантовые и конкурсные инструменты поддержки студенческих проектов и процедур участия [1, с. 42–46; 6]. В-четвёртых, целесообразно укреплять партнёрства университетов с научными организациями и индустрией, включая студентов в прикладные исследования и проектные задачи [1, с. 42–46; 5]. В-пятых, требуется цифровизация процессов подачи заявок, отчётности и научной коммуникации, включая единые витрины возможностей, календарь мероприятий и цифровые кабинеты проектов [1, с. 42–46; 5]. Наконец, устойчивый эффект даёт формирование позитивного образа научной карьеры через регулярные научно-популярные мероприятия, студенческие конференции и поддержку культуры публикационной активности [2, с. 148–151; 6].

Заключение

Проведённый обзор показывает, что вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность определяется не только набором отдельных мероприятий, но и социальными архитектурами университетской среды – связностью инфраструктурных, цифровых, регулятивных и коммуникативно-семиотических компонентов, обеспечивающих понятный «вход» в НИР, устойчивость наставничества, признание результатов и регулярную обратную связь. Международные примеры (REU, USRA, RISE, механизмы UKRI, Erasmus+, Horizon 2020, RTP, JSPS) и российские инструменты («УМНИК», «Приоритет 2030»), конкурсы РФФ, практики «Сириуса») демонстрируют, что воспроизводимость и масштабируемость достигаются при согласованном проектировании среды и закреплении траекторий участия.

Для российской системы высшего образования приоритетным направлением выступает проектирование социальной архитектуры студенческой науки: развитие проектно-исследовательских траекторий

в образовательных программах, снижение административных барьеров, поддержка научного наставничества, расширение конкурсно-грантовых инструментов, развитие цифровых сервисов сопровождения и укрепление партнёрств с научными организациями и индустрией. Такой подход позволяет переводить вовлечение студентов в НИР из эпизодического формата в устойчивую, воспроизводимую практику.

Список литературы:

1. Андросенко Н. В., Колбина А. Д. Развитие образовательной среды и студенческой науки в вузах как фактор формирования организационного потенциала России // *Инновации*. 2022. № 4(282). С. 42–46. DOI: 10.26310/2071-3010.2022.282.4.007.
2. Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 8 ч. Ч. 8 / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. 256 с.
3. Кайрова Н. Н., Мойзес Б. Б., Зольникова Л. М. Анкетирование как перспективный инструмент вовлечения студентов в исследовательскую деятельность // *Инженерное образование*. 2012. № 9. С. 99–103. URL: https://old.aeer.ru/files/io/m9/art_12.pdf (дата обращения: 27.02.2026).
4. Лихачева О. Н. Творческая работа студентов-нелингвистов как аспект развития иноязычной коммуникативной компетенции // *Булатовские чтения: сборник статей*. 2018. Т. 7. С. 110–112. URL: <https://www.id-yug.com/images/id-yug/Bulatov/2018/7/PDF/V7-110-112.pdf> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе: материалы XIII Международной научно-методической конференции (Пермь, 30 марта – 20 апреля 2021 г.). Пермь: Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2021. 211 с.
6. Стимулирование научно-технического потенциала общества в стратегическом периоде: сборник статей Международной научно-практической конференции (Воронеж, 17 сентября 2023 г.). Уфа: OMEGA SCIENCE, 2023. 110 с.
7. Толстова И. Э., Калошина Т. Ю. Программный подход в формировании научно-исследовательских компетенций студентов // *Программные технологии*. 2015. № 2(17). С. 179–180. URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/d36/d3643b22d85d16a10a297ba88fc91bb0.pdf> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Черных Н. С. Зарубежный опыт формирования молодежи как инновационной группы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12(38): в 3 ч. Ч. II. С. 202–204. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20132447/pdf> (дата обращения: 27.02.2026).

9. National Science Foundation. NSF Research Experiences for Undergraduates (REU): initiative information. URL: <https://www.nsf.gov/funding/initiatives/reu> (дата обращения: 27.02.2026).
10. National Science Foundation. Research Experiences for Undergraduates (REU): funding opportunity description. URL: <https://www.nsf.gov/funding/opportunities/reu-research-experiences-undergraduates> (дата обращения: 27.02.2026).
11. Natural Sciences and Engineering Research Council of Canada (NSERC). Undergraduate Student Research Awards (USRA): funding opportunity. URL: <https://nserc-crsng.canada.ca/en/funding-opportunity/undergraduate-student-research-awards> (дата обращения: 27.02.2026).
12. DAAD. RISE Germany: Research Internships in Science and Engineering. URL: <https://www.daad.de/rise/en/rise-germany/> (дата обращения: 27.02.2026).
13. UK Research and Innovation (UKRI). NERC Undergraduate Research Experience Placements (REPs): scheme information. URL: <https://www.ukri.org/what-we-do/developing-people-and-skills/nerc/nerc-studentships/funding-for-nerc-studentships/undergraduate-research-experience-placements-reps/> (дата обращения: 27.02.2026).
14. UK Research and Innovation (UKRI). EPSRC Vacation Internships: internships and placements. URL: <https://www.ukri.org/what-we-do/developing-people-and-skills/epsrc/studentships/flexibility-for-funders/internships-and-placements/> (дата обращения: 27.02.2026).
15. Фонд содействия инновациям. Программа «УМНИК». URL: <https://fasie.ru/programs/programma-umnik/> (дата обращения: 27.02.2026).
16. Программа «Приоритет 2030». Официальный сайт. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 27.02.2026).
17. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. О программе «Приоритет-2030»: пресс-релиз. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/99023/> (дата обращения: 27.02.2026).
18. Российский научный фонд. Конкурсы и грантовые мероприятия. URL: <https://rscf.ru/contests/> (дата обращения: 27.02.2026).
19. Университет «Сириус». От идеи до стартапа: победители грантового конкурса поделились опытом со студентами (новость). URL: <https://siriusuniversity.ru/media/news/ot-idei-do-startapa-pobediteli-grantovogo-konkursa-podelilis-opytom-so-studentami/> (дата обращения: 27.02.2026).
20. Erasmus+ Programme Guide. Higher education mobility projects (studies and traineeships). URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/programme-guide/part-b/key-action-1/higher-education-mobility-projects> (дата обращения: 02.03.2026).

21. European Commission. Horizon 2020 (funding programme). URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-2020_en (дата обращения: 02.03.2026).
22. Australian Government, Department of Education. Research Training Program (RTP). URL: <https://www.education.gov.au/research-block-grants/research-training-program> (дата обращения: 02.03.2026).
23. Japan Society for the Promotion of Science (JSPS). Programs and funding opportunities. URL: <https://www.jsps.go.jp/english/e-programs/> (дата обращения: 02.03.2026).

РАЗДЕЛ 2.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2.1 ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОРГАНЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Воропаева Елена Валерьевна

*преподаватель,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России),
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Поляков Илья Александрович

*студент,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России),
РФ, г. Ростов-на-Дону*

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE JUDICIARY

Voropaeva Elena Valerievna

*Teacher,
Rostov Institute (branch) of VSUJ
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don*

Polyakov Ilya Alexandrovich*Student,**Rostov Institute (branch) of VSUJ**(RPA of the Ministry of Justice of Russia),**Russia, Rostov-on-Don*

Аннотация. В статье исследуется трансформация судебной системы Российской Федерации под влиянием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Анализируется внедрение ИИ как ключевого фактора повышения эффективности, объективности и доступности правосудия. На основе анализа текущих государственных инициатив и мирового опыта доказываем, что цифровые технологии становятся основным инструментом оптимизации судопроизводства. Раскрывается потенциал ИИ для реализации задач по модернизации судебной системы и предлагает практические подходы к адаптации правосудия к современным цифровым реалиям.

Abstract. This article examines the transformation of the Russian Federation's judicial system under the influence of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI). It analyzes the implementation of AI as a key factor in improving the efficiency, objectivity, and accessibility of justice. Based on an analysis of current government initiatives and international experience, it demonstrates that digital technologies are becoming the primary tool for optimizing judicial proceedings. It explores the potential of AI for modernizing the judicial system and proposes practical approaches to adapting the justice system to today's digital realities.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), правосудие, судебная система, цифровизация, эффективность, автоматизация, правовое регулирование, технологический суверенитет, проблема «чёрного ящика».

Keywords: artificial intelligence (AI), justice, judicial system, digitalization, efficiency, automation, legal regulation, technological sovereignty, black box problem.

В настоящее время происходит стремительная цифровизация всех сфер жизни, включая правовую. Для судебной власти цифровые технологии перестали быть вспомогательным инструментом, превратившись в стратегический ресурс модернизации. Искусственный интеллект может рассматриваться как ключевой фактор преодоления системных вызовов, стоящих перед правосудием: высокой нагрузки, требований к единообразию практики и скорости рассмотрения дел [2].

Для выявления рисков внедрения ИИ в деятельность органов судебной власти проанализируем направления и потенциал данных технологий

В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" основным направлением деятельности по ее реализации является общая стратегия технологического развития государства, что напрямую связано с цифровой трансформацией правосудия. Цифровая среда в правовой сфере представляет собой не просто инструмент автоматизации, но и становится объектом целенаправленной государственной политики. Как отмечается в концепциях развития цифровой экономики и «цифрового государства», внедрение сквозных цифровых технологий, включая ИИ, в деятельность государственных органов является требованием национального развития и обеспечения технологического суверенитета [10]. В этом контексте модернизация судебной системы с помощью ИИ перерастает из задачи оптимизации в общегосударственную, направленную на укрепление доверия к институтам власти и повышение качества государственных услуг.

Недавние зарубежные исследования показали, что одна из систем ИИ под названием GPT-4 успешно анализирует юридические тексты: компьютер сдает адвокатский экзамен, получая при этом высокие баллы [6]. В России на сегодняшний день уже существует не малое количество моделей искусственного интеллекта, разработанных для решений конкретных задач. К примеру, можно привести GigaLegal от Сбербанка, который помогает решать задачи в сфере юридической деятельности [1]. Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность перешло из теоретической плоскости в практическую, охватив различные уровни и этапы судопроизводства. Сегодня ИИ функционирует как сложный многофункциональный инструмент, который уже сейчас способен качественно трансформировать рутинные операции и оказывать интеллектуальную поддержку. Наиболее зримым проявлением этой трансформации стала автоматизация рутинного документооборота и делопроизводства.

ИИ-системы берут на себя задачи по автоматизированной классификации, сортировке и формированию судебных дел, отправке корреспонденции и поиску документов, что позволяет разгрузить аппарат суда от монотонного бумажного труда. В перспективе для этих целей рассматривается даже применение специализированных робототехнических решений. Одновременно ИИ выступает в роли мощного аналитического «советника», обрабатывающего колоссальные массивы судебной практики. На основе машинного обучения системы способны не только генерировать проекты решений по типовым правовым

ситуациям, но и давать прогнозы по исходу конкретных дел. Эта функция уже активно используется в правовых системах США и Великобритании, где алгоритмы помогают прогнозировать судебные решения или оценивать риски, например, при решении вопросов об условно-досрочном освобождении или размере залога.

Отдельным и высокоэффективным направлением является применение ИИ в судебной экспертизе, прежде всего в криминалистике. Программные комплексы, такие как российская система «ОКО-1», успешно используются в арбитражных судах для проведения почерковедческих экспертиз и анализа подлинности подписей. Кроме того, алгоритмы способны выявлять признаки фальсификации доказательств, злоупотребления процессуальными правами и намеренного затягивания судопроизводства, что напрямую способствует повышению оперативности и объективности разбирательства [3].

Основной целью привлечения искусственного интеллекта в качестве помощника или интеллектуального партнера судьи является передача ему ряда рутинных функций. Это позволяет высвободить время судьи для решения содержательных правовых вопросов, одновременно усиливая контроль над его деятельностью, совершенствуя информационно-документальное обеспечение, а также повышая качество экспертно-аналитической, лингвистической и организационной поддержки судопроизводства. В отличие от человека, искусственный интеллект, будучи свободным от предвзятости и субъективных ошибок, способен обеспечивать вынесение решений исключительно на основе строгой логики и анализа фактических обстоятельств дела, исключая влияние эмоционального фактора и личных интересов [8].

По мнению Председателя Совета судей РФ В.В. Момотова, внедрение системы искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить: а) повышение качества и эффективности судебной деятельности; б) повышение эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти; г) создание систем прогнозирования судебной нагрузки в зависимости от изменения законодательства. «На первом этапе участниками рабочей группы был изучен опыт различных судов и подготовлена аналитическая справка по результатам обобщения практики применения технологий искусственного интеллекта судами общей юрисдикции и предложений по их использованию. 35 % судов и советов судей заявили об использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве», – сообщил Виктор Момотов [7].

Внедрение искусственного интеллекта в правовую сферу приобретает глобальный характер, демонстрируя практическую эффективность

в различных странах. Ярким примером служит судебная система Китая, где технологии ИИ стали ключевым инструментом для решения разнообразных задач и модернизации правосудия. Функционал систем включает интеллектуальный поиск судебных прецедентов и релевантных нормативных актов. Особенностью является способность алгоритмов проводить экспертизу уже вынесенных решений и предлагать альтернативные варианты. При этом, если мнение судьи расходится с рекомендацией ИИ, судья обязан привести мотивированное обоснование своего выбора. Новые технологии направлены на стандартизацию и унификацию судебных решений, предотвращая появление нелогичных и необоснованных решений, не соответствующих традиционной правоприменительной практике.

Кроме того, в Китае уже реализуется «Умный Суд», который активно использует технологии искусственного интеллекта в судебной работе. Примером является Интернет-суд Ханчжоу, перенесший все судебные процедуры в онлайн-формат, специализирующийся на судебных спорах, связанных с Интернетом. Также в Китае разработана технология, основанная на искусственном интеллекте, позволяющая в онлайн-формате проверять подлинность представляемых в суд доказательств. Участие в судебных заседаниях осуществляется через видеосвязь, а голосовой помощник упрощает процедурные моменты, обеспечивая аудиовизуальную обработку судебных слушаний и формирование протоколов заседаний [5].

Но, есть и минусы в использовании искусственного интеллекта в судебной практике. Основная проблема в том, что судьи и юристы могут разучиться думать сами, если начнут постоянно полагаться на подсказки ИИ. Кроме того, искусственный интеллект может унаследовать человеческие ошибки и предубеждения. Это значит, что, если в алгоритм изначально заложены ошибки разработчиков, система будет повторять их в своих решениях, выдавая это за объективность. Чрезмерное внедрение технологий, особенно с идеей заменить судей, грозит сделать правосудие бездушным. Общество может потерять доверие к системе, ведь для людей важна человеческая справедливость и понимание. Ещё одна сложность в том, что решения ИИ часто становятся шаблонными. Алгоритм работает по статистике и ищет аналогии, поэтому его выводы получаются похожими и формальными, без учёта всех тонкостей и уникальности каждого конкретного дела. Ситуацию усугубляет «эффект чёрного ящика»: часто невозможно понять, как именно ИИ пришёл к тому или иному выводу. Непрозрачность его логики мешает проверить обоснованность решения, что может привести к бесконечным спорам и обжалованиям. И наконец, сама структура искусственного интеллекта

не способна по-настоящему понять гибкие правовые принципы, смысл закона или контекст – всё то, что составляет основу человеческого правосудия и позволяет судье принимать взвешенные и справедливые решения [4].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает правовые барьеры для полной автоматизации принятия значимых решений, что прямо затрагивает и сферу правосудия. В соответствии с положениями Закона, запрещено принимать решения, порождающие юридические последствия для субъекта персональных данных и влияющие на его права и законные интересы, если они основаны исключительно на автоматизированной обработке данных (п. 1 ст. 16) [11]. Данное положение создаёт важную правовую гарантию против узурпации судебных функций без участия человека, устанавливая, что ни одно важное решение (включая, по аналогии, судебное) не может быть вынесено алгоритмом без человеческого контроля и ответственности. Исключения допускаются лишь при наличии письменного согласия субъекта или если это предусмотрено иным федеральным законом при условии защиты прав субъекта.

Таким образом, законодателю необходимо направить усилия на устранение основных правовых угроз, порождаемых искусственным интеллектом. К ним относятся риск возникновения противоправных последствий в результате автономных действий ИИ, опасность использования технологии для генерации дезинформации и создания манипулятивной альтернативной реальности, а также правовая неопределённость в вопросах ответственности за дефекты программного кода и ошибочные алгоритмы.

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что искусственный интеллект перестал быть гипотетической технологией, превратившись в действенный инструмент модернизации судебной системы. Его внедрение из теоретической плоскости перешло в практическую, демонстрируя значительный потенциал для решения системных проблем правосудия: от автоматизации рутинного документооборота и делопроизводства до сложной аналитической поддержки при принятии решений и проведении судебных экспертиз. Мировой опыт, в частности практика Китая, США и Великобритании, свидетельствует о разнообразии и эффективности применения ИИ в судопроизводстве. В России также формируется собственная экосистема правовых технологий, а государственная политика последовательно направлена на цифровую трансформацию судебной власти в рамках обеспечения технологического суверенитета.

Однако процесс интеграции сопряжён с комплексом серьёзных рисков. Ключевыми вызовами являются проблема «чёрного ящика» и непрозрачности алгоритмов, опасность воспроизведения и масштабирования алгоритмической предвзятости, риск дегуманизации правосудия и снижения профессиональных компетенций судей, а также угрозы безопасности персональных данных. Фундаментальным ограничением остаётся неспособность ИИ оперировать гибкими правовыми принципами, этическими категориями и контекстуальным пониманием, которые лежат в основе судейского усмотрения и справедливости.

Исходя из этого, будущее правосудия видится не в замене судьи машиной, а в создании эффективного симбиоза – модели «гибридного интеллекта». В этой модели ИИ выполняет роль мощного ассистента, берущего на себя рутинные, формализуемые операции и предоставляющего глубокий аналитический обзор, в то время как человек-судья сохраняет за собой исключительную прерогативу на окончательную оценку доказательств, толкование права и принятие мотивированного, справедливого решения, несущего в себе гуманистическое начало[10]. Для реализации этой модели и минимизации сопутствующих рисков необходима опережающая разработка сбалансированного правового регулирования, устанавливающего чёткие этические принципы, требования к прозрачности и проверяемости алгоритмов, а также механизмы ответственности. Только при условии сохранения верховенства права, основных принципов судопроизводства и центральной роли человека, искусственный интеллект сможет стать не угрозой, а катализатором подлинного прогресса, ведущего к более доступному, эффективному и качественному правосудию.

Список литературы:

1. Балалаева Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2024. – 37с.
2. Баннов А.В. Искусственный интеллект в судебной системе Российской Федерации // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 242-246.
3. Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 249-254.
4. Бирюков В.В. Искусственный интеллект: потенциал, проблемы и перспективы использования в расследовании преступлений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – № 2. – С. 94-101.

5. Губайдуллина Э. Х., Барабошкина А.А. Искусственный интеллект в судебной деятельности // Юридическая наука. – 2024. – № 2. – С. 121-123.
6. Дрозд, Д.О. Процессуальные формы использования искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – С. 56-58.
7. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 5. – С. 188-191.
8. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 229-235.
9. Тихонова А.О., Романенко В.Б. Искусственный интеллект и защита прав человека: проблемы и перспективы // Правовое образование: сборник научных трудов. – 2021. – №15 – С. 566-572.
10. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 2.02.2026).
11. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 07.07.2025) // Собрании законодательства РФ. 2006. N 31 (часть I). Ст. 3451.

2.2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОГО ДИАЛОГА: ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ефимин Егор Сергеевич

*магистрант 2 курса
факультета политико-правового
управления ПИУ РАНХиГС,
РФ, г. Саратов*

Командирова Татьяна Геннадиевна

*научный руководитель,
канд. юрид. наук, доц. кафедры
конституционного и международного права
ПИУ РАНХиГС,
РФ, г. Саратов*

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE JUDICIAL DIALOGUE SYSTEM: FORMS AND DIRECTIONS OF INTERACTION

Efimmin Egor Sergeevich

*Second-year Master's student,
Faculty of Political and Legal Management,
PMU RANEPА,
Russia, Saratov*

Komandirova Tatyana Gennadievna

*Academic Supervisor,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Constitutional and International Law,
PMU RANEPА,
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье исследуется характер взаимодействия Конституционного Суда РФ с судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Выдвигается гипотеза о том, что данное взаимодействие представляет собой не иерархическое подчинение, а сложный, асимметричный правовой диалог, направленный на обеспечение единства правоприменительной практики и конституционализацию права. С опорой на теоретические разработки в области конституционной юстиции и анализ актуальной судебной практики выделяются основные каналы этого диалога: опосредованный – через жалобы граждан, прошедшие все судебные инстанции, и прямой – через запросы судов о проверке конституционности закона. Итогом диалога выступают правовые позиции КС РФ, которые выполняют функцию обратной связи и общеобязательного ориентира для всей судебной системы.

Abstract. The article examines the nature of the interaction of the Constitutional Court of the Russian Federation with courts of general jurisdiction and arbitration courts. The hypothesis is put forward that this interaction is not a hierarchical subordination, but a complex, asymmetric legal dialogue aimed at ensuring the unity of law enforcement practice and the constitutionalization of law. Based on theoretical developments in the field of constitutional justice and an analysis of current judicial practice, the main channels of this dialogue are highlighted: indirect – through complaints from citizens who have passed all judicial instances, and direct – through requests from courts to verify the constitutionality of the law. The dialogue results in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which serve as feedback and a binding guideline for the entire judicial system.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, судебная система, диалог судов, правовые позиции, конкретный нормоконтроль, конституционализация права, единство судебной практики.

Keywords: The Constitutional Court of the Russian Federation, the judicial system, the dialogue of courts, legal positions, specific regulatory control, the constitutionalization of law, the unity of judicial practice.

Вопрос о природе взаимоотношений Конституционного Суда РФ с иными элементами судебной системы остается одним из наиболее значимых в современном отечественном правоведении. Традиционный подход, акцентирующий иерархическую субординацию и верховенство решений КС РФ, в последние годы дополняется более сложными теоретическими моделями. Как отмечает К.Ю. Гоглева, исследуя механизмы конституционного нормоконтроля, «Конституционный Суд России сегодня – это, в первую очередь, защитник федеральных правовых

ценностей, обеспечивающий приоритет на всей территории Российской Федерации принципов конституционализма» [2, с. 83]. В качестве одной из теоретических альтернатив выступает концепция судебного диалога, предполагающая многостороннее содержательное взаимодействие в рамках установленных процессуальных процедур.

Представляется, что такое взаимодействие не сводится к простой вертикали «контроль – исполнение», а имеет двустороннюю динамику: снизу поступают запросы на разрешение неопределенностей, сверху – ответы в виде уточненных правовых стандартов. Данный процесс можно определить как конституционализацию права – насыщение конкретных правовых норм и практик их толкования общеправовыми принципами, закрепленными в Конституции РФ. Именно суды общей юрисдикции, сталкиваясь с коллизиями в повседневном рассмотрении дел, становятся первичным источником «сигналов» о системных правовых проблемах.

Правовую основу этого взаимодействия образуют прежде всего статья 125 Конституции РФ, закрепляющая право судов направлять запросы в КС РФ, а также Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Особое значение имеет статья 79 ФКЗ, устанавливающая, что решение Конституционного Суда окончательно, не подлежит обжалованию и действует непосредственно, а акты, признанные неконституционными, утрачивают силу. А.А. Алимов, анализируя сущность правовых позиций КС РФ, подчеркивает: «Правовые позиции представляют собой систему правовых аргументов и выводов, лежащих в основе решения Конституционного суда, обладающих общеобязательностью и властным характером» [1, с. 71].

На практике диалог осуществляется через строго формализованные, но содержательно наполненные процедуры. Основным и наиболее массовым каналом связи судов с КС РФ выступает институт конституционной жалобы. Важно подчеркнуть, что для обращения в КС РФ заявитель обязан исчерпать все иные внутригосударственные средства судебной защиты. Таким образом, каждый акт обращения гражданина в КС РФ – это, по сути, обращение, инициированное всей цепочкой судебных решений, которые сформировали итоговую правовую позицию по делу. Так, в Постановлении от 14 декабря 2023 г. № 57-П Конституционный Суд, рассматривая вопрос о компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, признал не соответствующими Конституции РФ положения Гражданского кодекса, что повлекло необходимость пересмотра сложившейся судебной практики арбитражных судов [4]. Этот пример иллюстрирует, как судебная система в процессе своей обычной работы выявляет и формулирует сложные правовые вопросы, которые затем поступают на разрешение КС РФ.

Более редкой, но принципиально важной формой диалога является прямое обращение суда в КС РФ с запросом о проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле (конкретный нормоконтроль). Этот механизм, предусмотренный ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, демонстрирует осознание судами правовых пробелов и их готовность к профессиональному диалогу. Например, в Определении от 24 декабря 2024 г. № 3519-О КС РФ, отказывая в принятии жалобы ООО «Кибериада», разъяснил, что суды общей юрисдикции обязаны выносить законные, обоснованные и мотивированные решения при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, тем самым сформулировав стандарты для нижестоящих судов [3].

Результатом рассмотрения как жалоб, так и запросов являются правовые позиции КС РФ, которые становятся ключевым инструментом обратной связи и дальнейшей корректировки практики. Эти позиции не сводятся к резолютивной части постановления, а содержатся в его мотивировочной части, представляя собой детальное конституционно-правовое истолкование нормы. Они носят общеобязательный характер и подлежат учету всеми правоприменителями, включая суды. Н.И. Ярошенко, исследуя соотношение конституционности и законности, отмечает: «Конституционность, уставность и законность есть базовые категории отличия, которые самостоятельны, взаимосвязаны и представляют собой различные уровни обеспечения верховенства права в России» [6, с. 70].

Анализ современной практики позволяет выделить несколько типов воздействия этих позиций на судебную систему. В фундаментальном исследовании «Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики» под редакцией Н.С. Бондаря подчеркивается, что «правовые позиции высших судебных органов в конституционном механизме обеспечивают единообразие судебной практики» и выступают важнейшим инструментом развития материального и процессуального законодательства [5, с. 249]. Авторы коллективной монографии приходят к выводу, что «согласованное толкование» имеет доктринально-правоустановительное значение в контрольном механизме судебной юриспруденции.

Проведенный анализ позволяет заключить, что взаимодействие Конституционного Суда РФ с судами общей юрисдикции и арбитражными судами действительно функционирует по модели сложного, асимметричного, но постоянного диалога. Этот диалог имеет четкие процессуальные формы: опосредованную (через жалобы граждан, прошедшие все судебные инстанции) и прямую (через запросы судов). Нижестоящие суды выступают в роли «сенсоров» правовой системы, выявляя

и формулируя сложные вопросы на стыке закона и конституционных принципов. Конституционный Суд РФ, отвечая на эти запросы, формулирует правовые позиции, которые выполняют роль системного ответа и общеобязательного руководства. Таким образом, КС РФ реализует свою роль не только через контроль, но и через аргументированное толкование, направленное на конституционализацию всей судебной практики. Диалог между судами предстает эффективным механизмом обеспечения единства правового пространства, устранения коллизий и поступательной адаптации правоприменения в соответствии с конституционными ценностями.

Список литературы:

1. Алимов А.А. Сущность правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // [Электронный ресурс] Молодой ученый. 2024. № 44 (543). С. 70–72. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118815/> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Гоглева К. Ю. Сочетание абстрактного и конкретного нормоконтроля в механизме разрешения коллизий при совершенствовании конституционного законодательства // [Электронный ресурс] Юридическая техника. 2023. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sochetanie-abstraktnogo-i-konkretnogo-normokontrolya-v-mehanizme-razresheniya-kolliziy-pri-sovershenstvovanii-konstitutsionnogo> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 N 3319-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб общества с ограниченной ответственностью "СервисТрансКомпани" на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 4 Федерального закона "О транспортной безопасности" и частью 1 статьи 10 Федерального закона "О защите конкуренции"// КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846124#Ais53CVC6SPpIcIo> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312140021> (дата обращения: 23.02.2026).
5. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 384 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2174792> (дата обращения: 16.02.2026).

6. Ярошенко Н.И. Конституционность, законность и уставность как правовые категории // [Электронный ресурс] Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 4. С. 64–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnost-zakonnost-i-ustavnost-kak-pravovye-kategorii> (дата обращения: 21.02.2026).

2.3. СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ВОЕННЫЙ СУД В РЕСПУБЛИКЕ ГВИНЕЯ-БИСАУ В СРАВНЕНИИ С ВОЕННОЙ ЮСТИЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коста Шилтон Анибал

курсант

*Военного университета имени князя
Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

MILITARY COURT IN THE REPUBLIC OF GUINEA- BISSAU IN COMPARISON WITH THE MILITARY JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Costa Shilton Anibal

Cadet

*of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты возникновения военной юстиции республики Гвинея-Бисау и сравнение с военной юстицией Российской Федерации.

Abstract. This article examines the historical aspects of the emergence of military justice in the Republic of Guinea-Bissau and compares it with the military justice of the Russian Federation.

Ключевые слова: военный суд, республика Гвинея-Бисау, сравнение, военная юстиция, РФ.

Keywords: military court, Republic of Guinea-Bissau, comparison, military justice, Russian Federation.

Гвинея-Бисау, официально Республика Гвинея-Бисау, является африканским государством, расположенным на западном побережье Африки, граничащим на севере с Республикой Сенегал, на юге и востоке с Гвинеей-Конакри и на юго-западе омывается Атлантическим океаном. В настоящее время население Гвинеи-Бисау составляет более 2 миллионов человек, а социальная структура основана на многоэтническом и многокультурном населении. В силу своей правовой и политической истории территория Гвинеи-Бисау претерпела множество изменений на протяжении своей истории. В прошлом она была частью нескольких империй и королевств в Западной Африке, до периода европейской колонизации Африки.

До прихода португальцев и колонизации эта территория входила в состав Малийской империи, а после – Королевства Гаабу, которое сегодня является городом Гаабу, на востоке Гвинеи-Бисау. История, связывающая Гвинею-Бисау с этими двумя бывшими африканскими государствами, отражается в культуре и циркуляции народов.

Чтобы поговорить о военном суде в Республике Гвинея-Бисау, нам нужно вернуться в прошлое, чтобы узнать происхождение военного суда в Республике Гвинея-Бисау и причины, по которым в Гвинеи-Бисау существует военный суд. Таким образом, данная статья призвана подойти к военному суду в Гвинеи-Бисау на исследовательской основе с помощью библиографической поддержки, литературы, доктрин и исследований, а также документов, принимая во внимание судебную практику военного суда Гвинеи-Бисау и то, что это представляет собой в правовой системе Гвинеи-Бисау.

Правовая система Гвинеи-Бисау была унаследована от Португалии во время колониального правления между 1445 и 1973 годами. После провозглашения независимости, в соответствии с Законом № 1/73, принятым Национальным народным собранием Республики Гвинея-Бисау 24 сентября 1973 года, португальское законодательство продолжало действовать на территории страны во всех вопросах, которые не противоречили ее национальному суверенитету. Это означает, что все законы, которые действовали в колониальный период, остаются в силе и применимы после обретения независимости.

С принятием Закона № 1/73 от 24 сентября 1973 года вступил в силу Кодекс военной юстиции 1925 года, утвержденный Декретом № 11.292 от 26 ноября 1925 года [1], тем самым отменив предыдущий кодекс 1895 года. Этот кодекс оставался в силе в силу положений статьи 1 Закона № 1/73, опубликованного в Официальном бюллетене №1 от 4 января 1975 года, которая предусматривала: «Португальское законодательство, действующее на эту дату, временно сохраняет свою силу

во всем, что не противоречит национальному суверенитету, настоящему Закону, другим законам Республики, а также принципам и целям Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде (PAIGC).

Статья 1. Закона № 1/73

Португальское законодательство, действовавшее на дату провозглашения суверенного государства Гвинея-Бисау, остается в силе во всем, что не противоречит национальному суверенитету, Конституции Республики, ее обычным законам, а также принципам и целям Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде (P.A.I.G.C.).

Статья 2. Этот закон вступает в силу немедленно [1].

Вся правовая система Гвинеи-Бисау является наследием португальского права, поэтому судебная структура Гвинеи аналогична судебной структуре Португалии. Это связано с тем, что на протяжении всего колониального периода действующими на территории Гвинеи-Бисау правовыми нормами являются португальские правовые нормы. После обретения независимости, во избежание правового вакуума и социальной опасности государства без юрисдикции, то есть без норм, регулирующих политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь гвинейского народа, при этом в обязательном порядке необходимо было принять все нормы и правовую систему Португалии в качестве национальной правовой системы. Это также связано с тем, что в стране нет квалифицированных специалистов в области права и большинство населения неграмотно. Этот исторический факт наследия права имел место не только в Гвинее-Бисау, он происходил практически на всем африканском континенте, особенно в странах португальской колониальности. То же самое происходило в Анголе, Мозамбике, Кабо-Верде и то же самое происходило в Бразилии. Рецепция португальской правовой системы в бывших колониях носит общий характер, португальские правовые нормы все еще действовали в бывших колониях даже после обретения независимости. Военный суд в Республике Гвинея-Бисау берет свое начало с колониальных времен, он был военным судом колониальной провинции Гвинея-Португала, после обретения независимости этот правовой институт сохранился в Республике Гвинея-Бисау и действует на основе кодекса военной юстиции, которым являлся португальский кодекс военной юстиции.

Военный суд в Республике Гвинея-Бисау является специальным судом, поскольку он является независимым судом общей системы правосудия Республики Гвинея-Бисау. Это отличает его от многих стран, где существуют военные трибуналы, например, от Российской Федерации, где есть этот специальный орган правосудия. Военные суды Российской Федерации являются специализированными судами,

входящими в единую судебную систему, и федеральными судами общей юрисдикции, входящими в состав судебной системы Российской Федерации, и имеют иную концепцию по сравнению с Военным судом в Республике Гвинея-Бисау.

Военная юстиция в Республике Гвинея-Бисау обладает исключительной и конкретной компетенцией в соответствии с действующим в Республике Гвинея-Бисау уголовным кодексом, которым является кодекс военной юстиции и Уголовный кодекс Республики Гвинея-Бисау. Это, конечно, вызвало много дискуссий вокруг этого, многие критики права в Гвинея-Бисау имеют очень разные позиции и взгляды на военную юстицию. Например, бывший Генеральный прокурор Республики Гвинея-Бисау доктор Абуду Мане, в откровенном подходе к законодательной базе Военного суда Гвинея-Бисау, заявил, что военная юстиция во многих случаях вступает в противоречие с общей системой уголовного правосудия общей юрисдикции [3]. Это связано с юрисдикцией в отношении тех или иных преступлений, с учетом эволюции законодательства и появления новых преступлений и уголовных ситуаций, которые не были урегулированы в кодексе военной юстиции Гвинея-Бисау, поскольку это очень старый закон, который является кодексом военной юстиции колониальной эпохи.

Можно также принять во внимание тот факт, что военная юстиция не изучается в университетах и юридических школах Республики Гвинея-Бисау, а также тот факт, что многие юристы не обладают знаниями в области военно-уголовного права, поскольку им не хватает знаний для оценки того, когда правовой вопрос является исключительной компетенцией военного суда, так как сам уголовный кодекс в своей статье 1 (УК РГБ) ясно дал понять, что не знает о сути военных преступлениях.

В этом смысле все указывает на то, что военная юстиция в Гвинея-Бисау будет и впредь носить особый характер и будет сохраняться независимо от судов общей юрисдикции.

Военный суд в Гвинея-Бисау имеет свое законодательство, кодекс военной юстиции, уголовное право, отличное от уголовного кодекса, в котором говорится, по сути, о военных преступлениях, и имеет свою структуру. Военный суд в Республике Гвинея-Бисау является судебным органом, высшим органом или инстанцией которого является Высший военный суд с полномочиями и компетенцией, равными Верховному суду Республики Гвинея-Бисау, который является высшим судебным органом и инстанцией правосудия в Гвинея-Бисау. Председатель Высшего военного суда Гвинея-Бисау назначается президентом Республики Гвинея-Бисау в соответствии с положениями пункта n) статьи 68 Конституции Республики Гвинея-Бисау (CRGB) на тех же

условиях и с полномочиями, эквивалентными полномочиям Председателя Верховного суда Республики Гвинея-Бисау [4].

Если сравнивать с системой правосудия Российской Федерации, то здесь Председатель Верховного Суда Российской Федерации назначается Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации сроком на 6 (шесть) лет на основании статьи 12 Конституции Российской Федерации № 1 Федерального конституционного закона «О верховном суде Российской Федерации» [5].

В системе военной юстиции Гвинеи-Бисау военный суд обладает исключительной компетенцией рассматривать и судить только преступления преимущественно военного характера в соответствии со статьей 1 Уголовного кодекса Республики Гвинея-Бисау (УКРГБ) [6] и статьей 1 Кодекса военной юстиции (СJM RGB) [1].

Статья 1. Уголовный кодекс Республики Гвинея-Бисау (УК РГБ)

За исключением по существу военных преступлений, положения настоящего Кодекса применимы ко всем остальным уголовным преступлениям, независимо от закона, который их квалифицирует [6].

Преступность и уголовная ответственность

Статья 1. Кодекс военной юстиции Республики Гвинея-Бисау (СJM RGB).

Настоящий кодекс рассматривает факты, которые по существу являются военными преступлениями, поскольку они нарушают любой воинский долг или оскорбляют безопасность и дисциплину армии или флота [1].

В правовой системе Российской Федерации военная юстиция шире, несмотря на то, что она относится к общей юрисдикции судов Российской Федерации, военный суд Российской Федерации не ограничивается рассмотрением и разрешением только дел о воинских преступлениях, которые содержатся в главе 33 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и касаются преступлений против военной службы, предусмотренных статьями 331 – статьей 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [7]. Речь о преступлении вообще, то есть в компетенцию Российского военного суда входит рассмотрение любого преступления Уголовного Кодекса Российской Федерации, если субъект или один из субъектов считается военнослужащим или субъект, считающийся по военно-уголовному праву военнослужащим или приравненный к нему статус военнослужащего Вооруженных Сил

Российской Федерации. Углубляясь еще дальше в правовую систему российской военной юстиции, военный суд может рассматривать административные и гражданские споры с использованием Гражданского кодекса по гражданским спорам и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) для административных споров. То есть военный суд в соответствии с Федеральным конституционным законом от 23.06.1999 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024 г.) "О военных судах Российской Федерации" Российской Федерации обладает юрисдикцией общей юрисдикции.

Статья 7. Подсудность дел военным судам

1. Военным судам подсудны:

1) Гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее – военнослужащие), граждан, проходящих военные сборы, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений [8].

В целях иллюстрации того, что было рассмотрено, стоит также упомянуть об органичной структуре судебной системы военных судов в Республике Гвинея-Бисау. Вооруженные силы Республики Гвинея-Бисау структурно разделены на военные округа, соответствующие четырем военным округам.

Учреждены четыре военных окружных суда. Это: Северный военный округ, где имеется военный суд, также называемый военным судом Северного военного округа; Южный военный округ с военным судом Южного военного округа; Восточный военный округ с военным судом Восточного военного округа и Центральный военный округ, расположенный в столице Бисау, с военным судом Центрального военного округа.

Военные суды формируются по территориальному принципу, исходя из расположения воинских частей, в соответствии с законом о вооруженных силах, органичная структура военных судов включена в закон о вооруженных силах Республики Гвинея-Бисау. В каждой региональной военной зоне имеется окружной военный суд. Верховный военный суд Республики Гвинея-Бисау находится в городе Бисау и является судом последней инстанции.

В Гвинее-Бисау военный суд рассматривает только военные преступления, т.е. уголовные преступления военного характера. В компетенцию военных судов не входит рассмотрение дел гражданского или административного характера, эти атрибуты входят в компетенцию судов общей юрисдикции. Несмотря на то, что одним из субъектов спора

является военнослужащий, находящийся на действительной военной службе при прохождении военной службы, по гражданским и административным делам суды общей юрисдикции компетентны в силу предмета рассмотрения административных и гражданских споров.

Стоит отметить, что в случае, если военнослужащий совершает правонарушения, не являющиеся преступлениями военного характера, он несет судебную ответственность перед судом общей юрисдикции, компетентным в связи с определенным спорным вопросом. В любом случае, когда речь идет о судебном разбирательстве, не относящемся к уголовному делу, военный суд в Гвинее-Бисау не обладает компетенцией рассматривать дело по существу дела. Даже если одна из сторон является военнослужащим, законодательство Гвинеи наделяет юрисдикцией суды общей юрисдикции. Военный суд в Республике Гвинея-Бисау осуществляет свою компетенцию только по военным уголовным делам, военное уголовное право в Гвинее-Бисау весьма ограничено с учетом углубленных исследований по военному праву и особенно военно-уголовному праву, что свидетельствует о том, что система военной юстиции в Гвинее-Бисау сталкивается с огромными трудностями в отправлении правосудия. Военный суд рассматривает только те преступления, которые типизированы в кодексе юстиции в соответствии со статьей 1 кодекса военной юстиции (CJM RGB) [1], где квалифицированы преступления, считающиеся по существу военными.

Список литературы:

1. Кодекс военной юстиции 1925 года, утвержденный Декретом № 11.292 от 26 ноября 1925 года.
2. Закон № 1/73 от 24 сентября 1973 года. URL: <https://www.legis-palop.org/>.
3. <https://www.voaportugues.com/amp/bissau-military-justice/1528402.html>
4. Конституция Республики Гвинея-Бисау 1984 года.
5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. №3– ФКЗ «О верховного суда Российской Федерации».
6. Уголовный кодекс Республики Гвинея-Бисау Декрет-закон No 4/93 – Дополнение к Б.О. No 41 от 13 октября 1993 г. с изменениями, внесенными Законом No 2/2002, опубликованным в Б.О. No 21 от 27 мая 2002 г. и статьей 13 Закона No 7/97 от 2 декабря, опубликованным в Дополнении к Б.О. No 48, от 2 декабря 1997 года.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
8. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024) "О военных судах Российской Федерации".

2.4. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОСЛОВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XII–XV ВВ.): ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Сирохин Антон Игоревич

ст. науч. сотр.,

Академия управления МВД России,

РФ, г. Москва

REGIONAL VARIABILITY OF ESTATE STRATIFICATION IN THE PERIOD OF FEUDAL FRAGMENTATION IN RUS' (12TH–15TH CENTURIES): FEATURES OF FORMATION AND INSTITUTIONALIZATION

Sirokhin Anton Igorevich

Senior Researcher,

Academy of Management of the Ministry

of Internal Affairs of Russia,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается региональная специфика формирования сословных групп и их объединений в русских княжествах (XII–XV вв.). В процессе централизации одни, наиболее эффективные региональные практики, были интегрированы в систему общегосударственного права, а другие модели – ассимилированы.

Abstract. The article examines the regional specifics of the formation of estate groups and their associations in the Russian principalities (12th–15th centuries). During the centralization process, the most effective regional practices were integrated into the nationwide legal system, while other models were assimilated.

Ключевые слова: феодальная раздробленность; сословный строй; сословное право; правовой статус сословий; княжества Руси; централизация власти.

Keywords: feudal fragmentation; estate system; estate law; legal status of estates; Rus' principalities; centralization of power.

В эпоху русской истории, традиционно характеризуемую как «период феодальной раздробленности» (XII-XV вв.) сословный строй развивался и крепнул. Продолжалась юридическая фиксация статуса сословий. Кроме того, для этого периода характерна некоторая вариативность, проявившаяся в не одинаковом статусе одних и тех же сословий в разных княжествах, их стратификационных, в том числе субординационных взаимодействий между собой. Как представляется, это явление сыграло в дальнейшем положительную роль в контексте модернизации общественного устройства Руси, поскольку в ходе последующей, начиная со второй половины XIV столетия, централизации власти и консолидации русских земель позволило выделить и выбрать приоритетными наиболее оправдавшие себя, соответствующие историческому моменту практики.

Так, например, если Владимиро-Суздальское княжество восприняло основные сословные признаки Киевской Руси, строящиеся вокруг центрального положения князя, членов его семьи, дружинников, слуг и других приближенных, то в Новгородской земле основную роль играли бояре, которым, помимо крупного землевладения, были не чужды также купеческая, и даже крупная ремесленная деятельность.

Географическое положение Новгорода предопределяло активную торговую деятельность, негоциантство, поэтому имело место опережающее (по сравнению с другими русскими землями) становление купеческого сословия и его правового статуса, а также определенное сращивание боярского и купеческого состояния у отдельных знатных фамилий. «Крупное купечество имело земельные владения и примыкало по своему положению к феодальной аристократии», – отмечает В.М. Клендрова [2, с.39].

Если говорить о менее знатных и зажиточных группах, то в Новгородской земле именно в результате названных тенденций выделилась не характерная для других русских земель прослойка «житьи люди», которые совмещали среднее землевладение с торговлей продукцией, произведенной собственными силами. И при этом играли определенную самостоятельную роль в политической жизни [7, с.247-309].

Здесь же, в Новгороде и Пскове, сложилась тенденция к корпоративному объединению представителей отдельных сословий, прежде

всего тех же купцов. Причем купцы объединялись, как правило, вокруг церквей, которые они сами же и «ставили» на свои пожертвования. Одно из наиболее крупных корпоративных объединений новгородских купцов базировалось при церкви Ивана Предтечи на Опоках, получило соответственно наименование «Иванское сто». Понятие «гильдия» на тот момент из европейского обихода еще не было заимствовано, хотя, по сути, в основе купеческих объединений лежали именно гильдейские начала. В.И. Афанасьева указывает, что к XIII в. названное объединение «уже представляло собою развитую замкнутую корпорацию, в связи с чем появилась необходимость в разработке специального устава, который был законодательно закреплен в «Рукописании» князя Всеволода Мстиславовича» [1, с. 341]. Наличие таких крупных по численности и сложных по корпоративным связям сословных объединений само собой предполагает, на наш взгляд, самоуправленческие начала – выработку поведенческих стандартов, норм и правил, адресованных исключительно членам данной корпорации, и при этом общеобязательных для всех из них. То есть имеет место становление действующей параллельно с государственным «правом для сословий» системы «собственного» сословного права.

В пользу данной версии свидетельствует также такой исторический факт, что при церкви Ивана Предтечи на Опоках действовал собственный купеческий суд, разбиравший тяжбы по торговым делам, возникавшие между купцами – членами объединения. При этом использовались собственные эталоны мер, например, «локоть ивановский» – по спорам, связанным с «обмериванием и обвешиванием». Корпоративный сословный купеческий суд – «братчина» – упоминается также в Псковской судной грамоте [8].

Здесь же обнаруживается подтверждение нашего тезиса о том, что легализация корпоративных правил поведения осуществлялась посредством их признания в нормативных актах публичной власти: в нашем случае имело место признание купеческих (гильдейских) правил в уставах князя [9, с.160-173].

Корпоративная организация в Новгороде и Пскове была характерна не только для купцов, но и для ремесленников [12, с.33].

Анализ источников по теме позволяет утверждать, что своя специфика формирования отдельных элементов социального устройства имела место не только в Псковской и Новгородской феодальных республиках, но также в других княжествах удельного периода – Полоцком [10], Черниговском [6], Киевском [13], Владимиро-Суздальском [5], Переяславском [3], Смоленском [4], Галицко-Волынском [11, 14] и др.

Таким образом, процесс сословной стратификации на Руси в феодальный период имел существенные региональные особенности. В отдельных случаях его результаты в последующих периодах получили широкое распространение и признание со стороны центральной власти, были зафиксированы в сословном праве как составной части общегосударственного права. В других же случаях конкретные сословные группы, имевшие место в отдельных княжествах, не были восприняты в процессе централизации, их правовое положение было поглощено статусами более крупных и признанных центральной властью сословий. Иными словами, имела место своего рода стратификационная социальная селекция, которая, с учетом большого выбора вариантов, в процессе централизации власти и консолидации русских земель дала возможность выделить и выбрать, сделать приоритетными наиболее оптимальные, соответствующие историческому моменту, формы социального устройства.

Список литературы:

1. Афанасьева В. И. Купеческие объединения (корпорации) как предвестники зарождения и развития корпоративного права в России X – XVII вв. / В. И. Афанасьева // Образование и право. – 2019. – № 2. – С. 339–344.
2. Клеандрова В. М. Особенности общественного и государственного строя Новгорода и Пскова // История государства и права России : учебник / Под ред. Ю. П. Титова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 563 с.
3. Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – С. 118–143
4. Ластовский Г. А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII–XV веках : автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Минск, 1998.
5. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л.: Наука, 1987.
6. Логачева Н. В. Особенности княжеской власти в черниговской земле // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 2. – С. 76–84/
7. Несин М. А. Новгородские житыи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 247–309;
8. Новгородская и Псковская судные грамоты : Тексты с предисл. и крат. объясн. словарем, сост. канд. прав А. Б. Гинцбургом. – СПб., 1888. – 41 с.
9. Новгородский Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 160–173.

10. Радионов Я. Е. Историко-правовые основы формирования и развития государственности Полоцкого княжества в контексте эволюции политико-правового строя Великого княжества Литовского и Русского в XI-XVI вв.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008.
11. Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI-XIII вв. – М.: Госюриздат, 1955.
12. Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI-XV века) / М. Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1945. – № 1. – С. 27–33.
13. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Наука, 1975. – С. 5–56;
14. Шигабутдинова А. Л. Основные пути формирования класса феодалов в Галицко-Волынском княжестве в XI-XIII вв. // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 7 (139). – С. 11–15;

2.5. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тимошкин Никита Евгеньевич

студент,

Российский государственный университет

правосудия имени В.М.Лебедева,

Западно-Сибирский филиал,

РФ, г. Томск

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN MODERN RUSSIA

Timoshkin Nikita Evgenievich

Student of the

Russian State University of Justice named

after V.M. Lebedev,

West Siberian branch,

Russia, Tomsk

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные сложности и проблемы правового регулирования малого и среднего предпринимательства в современных условиях развития российской экономики и общемировых тенденций. Определена роль малого и среднего бизнеса в рамках внутрироссийского рынка, включая рынок труда, а также выявлены препятствия, в виду которых малый и средний бизнес в текущих условиях не может эффективно реализовать политику роста.

Abstract. This article examines the main difficulties and problems of legal regulation of small and medium-sized businesses in the modern conditions of the development of the Russian economy and global trends. The role of small and medium-sized businesses in the domestic Russian market, including the labor market, has been determined, and obstacles have been

identified that make it impossible for small and medium-sized businesses to effectively implement growth policies in the current environment.

Российская экономика последних лет претерпевает регулярные изменения, что напрямую связано как с внутривнутриполитическими факторами, так и внешними событиями в рамках мирового сообщества. При этом рынок малого и среднего бизнеса, включая микропредприятия (далее по тексту – ММСП), отвечая общим тенденциям, стремился к своему росту и расширению. Так, согласно статистическим показателям за 2025-2026 годы на территории российского государства процент экономически активного трудоспособного населения составляет 72,1 млн. человек [5], из которых 21 % (15,1 млн. чел.) обеспечены рабочими местами благодаря малому и среднему бизнесу, при этом 50% из 15,1 млн. рабочих мест организованы именно в микропредприятиях [3]. Дополнительно отметим, что еще 20% рынка труда – это самозанятые граждане [6]. Таким образом, рынок труда более чем на 40% состоит из рабочих мест, обеспеченных ММСП и самозанятыми гражданами.

Как отмечает Всемирная торговая организация малые и средние предприятия составляют 90% мирового бизнес-сообщества, включая 60-70% трудовой занятости для населения [2].

Таким образом, ММСП играют важную роль в создании рабочих мест, участвуют в процессе развития и становления государственной экономики в целом. При этом судьбу ММСП на российском рынке сложно назвать простой, и в условиях современных тенденций, а также внесения изменений в российское налоговое законодательство, проблемы правового регулирования сферы малого и среднего предпринимательства приобретает новые грани.

При этом для успешного функционирования бизнеса в условиях цифровой экономики предприятиям необходимо для расширения и масштабирования применять инновации, искусственный интеллект, технологии, блокчейн и т.д. Все это позволяет автоматизировать определенные бизнес-процессы, повысить производительность и качество обслуживания, таким образом, предприниматель может становится конкурентоспособным рынку. Однако малый бизнес на регулярной основе сталкивается с финансовыми рамками, включая ограниченный доступ к кредитам и инвестициям, которые могли быть направлены на развитие предприятия. Финансовые проблемы не единственный фактор в данном аспекте, оказывающий влияние на сложности в развитии ММСП в российском государстве, не менее важный фактор – это ограниченность человеческого, кадрового ресурса, когда кадровый «голод», острая нехватка квалифицированных специалистов приводит к невозможности

осуществлять развитие и расширение малого и среднего бизнеса. В результате малые и средние предприятия в большей своей массе не могут позволить себе цифровое развитие, усовершенствование бизнес-механизмов и процессов и «застревают» на стадии прототипа.

Такой регуляторный барьер как изменение налогового законодательства оказывает серьезное влияние на возможность развития малого и среднего бизнеса. Так, текущая налоговая реформа [7] в 2026 году вызвала не мало сомнений среди представителей ММСП в Российской Федерации в виду опасения российских предпринимателей потерять доход в связи с увеличением налоговой нагрузки.

Налоговая политика государства исходит из цели стабилизации уязвимости федерального бюджета, в который по предварительным расчетам поступят дополнительные доходы: в 2026 г. – в размере более 1,187 трлн руб., в 2027 г. – 1,559 трлн руб., в 2028 г. – 1,677 трлн руб. [1] Что же касается положения ММСП отметим, что о развитии в таких условиях, к сожалению, в большинстве своем сейчас не идет речи. Важная задача ММСП на 2026 и ближайшие годы – это адаптироваться к новым условиям налоговой политики и положению российской экономики, снизить затратную часть бизнеса, пересмотреть ценовую политику на предлагаемые товары и услуги в сторону ее увеличения [4]. При этом предприниматели осознают, что предел повышения ценовой политики упирается в платежеспособность населения, поэтому исходя из проведенных опросов основная часть ММСП готовы сменить применяемую ими систему налогообложения (более 44%), часть предпринимателей, как мы отмечали выше, готовы к оптимизации бизнеса с позиции пересмотра расходной части, включая закрытие точек продаж с наименьшими результатами (21%), около 12% предпринимателей рассматривают вариант работы вне рамок правового поля – «уйти в тень» [4].

Таким образом малые и средние предприниматели сталкиваются с рядом объективных факторов, оказывающих на развитие их бизнеса негативное влияние:

1) Проблема финансирования, которая связана не просто с обеспечением операционной деятельности предприятия, но также с возможностью развития и применения инноваций и современных технологий в целях укрупнения и расширения влияния на рынке;

2) Регуляторные барьеры, включая современную налоговую политику и налоговую реформу, говорить о влиянии новой ставки НДС на малый и средний бизнес сейчас крайне рано, однако, имеющиеся опасения у предпринимателей, вполне оправданы, поэтому изменение политики управления – оптимальное решение для каждого субъекта малого

и среднего бизнеса в России, включая пересмотр расходной части, увеличения ценовой политики, кадровых перестановок и т.д.;

3) Кадровый дефицит – вышел в 2026 году на новый уровень, когда при большом количестве соискателей, нет конкурентоспособных квалифицированных кадров, и если представители крупного бизнеса имеют возможность привлекать кандидатов, предлагая им выгодные финансовые условия, то у представителей малого и среднего бизнеса такая возможность объективно отсутствует. Это приводит к внутренним операционными проблемам бизнеса, остановке развития, невозможности применения инноваций;

4) Кроме того, существуют и иные барьеры рынка, которые также оказывают давление на российский малый и средний бизнес.

Малый и средний бизнес – это важнейшие единицы рыночной экономики, при этом современные условия ведения бизнеса характеризуются высокой степенью неопределенности, которая возникает в виду экономических, политических, правовых, социальных изменений в российском обществе. Малый и средний бизнес сталкивается с проблемами изменения спроса на реализуемые им товары и услуги, изменения российского законодательства, включая налоговую политику, высокую конкуренцию. Для адаптации малого и среднего бизнеса к обозначенным сложностям в условиях цифровой экономики важно повышать эффективность производства при снижении затратной части, разрешать проблему кадрового голода путем обучения собственных работников, в том числе используя возможности он-лайн образования, если оказываемые услуги и производимые товары соответствуют потребностям государства, то также участвовать в государственных закупках, использовать возможности получения грантов на развитие бизнеса включая региональные программы.

Актуальные проблемы малого и среднего бизнеса остаются многоаспектными и требуют своего разрешения комплексно, как усилиями самих предпринимателей, так и с привлечением государственной поддержки. Особое внимание следует уделять возможности внедрения инноваций, развитию цифровой инфраструктуры, обучению сотрудников, а также важно регулярно пересматривать действующую на предприятии бизнес-стратегию, опираясь на текущую экономическую ситуацию и прогнозирование.

Список литературы:

1. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Основные направления налоговой политики на 20262028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей. Экономика. Налоги. Право. 2026;19(1):154-169.

2. Захарова Н.В. Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: основные особенности развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 4. С. 88-102.
3. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.02.2026&level=2&fo=&ssrf=&t=1773051490444&t=1773051490444> (дата обращения 09.03.2026).
4. НДС в стадии принятия // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8231631> (дата обращения 09.03.2026).
5. Сколько людей в России работает: статистика трудоспособного населения // URL: <https://sky.pro/wiki/profession/skolko-lyudej-v-rossii-rabotaet-statistika-trudosposobnogo-naseleniya/> (дата обращения 09.03.2026).
6. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html?t=1773052755123> (дата обращения 09.03.2026).
7. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 01.12.2025, N 48 (Часть I), ст. 7236.

2.6. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАНОВ МОРСКИХ И РЕЧНЫХ СУДОВ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ В РЕЙСЕ

Лащевский Денис Вячеславович

*адъюнкт факультета подготовки
кадров высшей квалификации
Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной
службы МЧС России,
РФ, г. Санкт-Петербург*

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF BRINGING CAPTAINS OF SEA AND RIVER VESSELS TO CRIMINAL LIABILITY FOR ABUSE OF POWER DURING A VOYAGE

Lashchevsky Denis

*Adjunct Professor,
Faculty of Advanced Personnel Training,
St. Petersburg University of the State Fire
Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье проводится анализ криминологических и уголовно-правовых аспектов привлечения капитанов судов к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями в рейсе. На основе анализа 280 уголовных дел за 2020–2025 гг. выявлены основные способы злоупотреблений: незаконное распоряжение грузом (36%), изменение маршрута плавания (28%), сокрытие информации о состоянии судна (20%), принуждение экипажа к нарушению правил (16%). Проанализированы проблемы квалификации по ст. 201 УК РФ, включая

установление корыстной заинтересованности и причинения существенного вреда. Предложены рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой охраны, включая введение специального квалифицирующего признака «совершенное в рейсе».

Abstract. This article analyzes the criminological and criminal law aspects of holding ship captains criminally liable for abuse of authority during a voyage. Based on an analysis of 280 criminal cases from 2020–2025, the main methods of abuse are identified: illegal disposal of cargo (36%), changing the navigation route (28%), concealment of information about the vessel's condition (20%), and coercing the crew to violate regulations (16%). The article also examines the challenges of qualifying offenses under Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation, including establishing self-interest and causing significant harm. Recommendations for improving criminal law protection are offered, including the introduction of a special qualifying element, "committed during a voyage."

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, капитан судна, рейс, уголовная ответственность, криминология, квалификация, ст. 201 УК РФ[10].

Keywords: abuse of authority, ship captain, voyage, criminal liability, criminology, qualification, Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Привлечение капитанов судов к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями в рейсе представляет собой сложную категорию уголовных дел. Особенности морской деятельности – автономность капитана, изолированность судна, ограниченность времени на принятие решений – создают уникальные условия для совершения злоупотреблений и затрудняют их расследование.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений по ст. 201 УК РФ[10] в отношении капитанов судов в 2025 году составило 243, что на 45% превышает показатель 2020 года. При этом доля преступлений, совершенных в рейсе, достигла 68% от общего количества дел [1].

Цель исследования – проанализировать криминологические и уголовно-правовые аспекты привлечения капитанов судов к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями в рейсе. Задачи: проанализировать криминологическую характеристику преступлений;

выявить способы злоупотреблений; проанализировать проблемы квалификации; разработать рекомендации.

1. Криминологическая характеристика злоупотреблений в рейсе

1.1. Рейсовые условия как криминогенный фактор

Основные криминогенные факторы рейсовых условий:

1. Автономность капитана – отсутствие непосредственного контроля со стороны судовладельца создает благоприятные условия для злоупотреблений.

2. Изолированность судна – затрудняет оперативное реагирование правоохранительных органов.

3. Ограниченность времени на принятие решений – увеличивает вероятность злоупотреблений под прикрытием оперативного реагирования.

4. Иерархические отношения в экипаже – затрудняют противодействие злоупотреблениям со стороны членов экипажа.

1.2. Способы совершения злоупотреблений

На основе анализа 280 уголовных дел выделены основные способы злоупотреблений:

Таблица 1.

Основные способы злоупотреблений

Способ	Доля в выборке
Незаконное распоряжение грузом	36%
Изменение маршрута плавания	28%
Соккрытие информации о состоянии судна	20%
Принуждение экипажа к нарушению правил	16%

1.3. Типология личности преступника

Наиболее типичный профиль преступника: мужчина 40–45 лет, с высшим морским или речным образованием, стаж работы 15–20 лет, капитан судна, не имеющий судимостей.

2. Уголовно-правовые проблемы квалификации

2.1. Объективные признаки состава

Использование полномочий вопреки законным интересам организации. В условиях рейса полномочия капитана максимально расширены, что создает особенности при установлении данного признака.

Причинение существенного вреда. Установление размера вреда осложняется отсутствием возможности немедленной оценки ущерба и необходимостью проведения экспертиз после завершения рейса.

Проблемы: в 42% случаев не устанавливается точный размер вреда; в 38% случаев отсутствует документальное подтверждение факта использования полномочий вопреки интересам организации.

2.2. Субъективные признаки состава

Прямой умысел. Установление умысла осложняется ссылками капитана на необходимость оперативного принятия решений и отсутствием свидетелей.

Корыстная или иная личная заинтересованность. Установление корыстной заинтересованности осложняется использованием сложных схем получения вознаграждения и получением нематериальных благ.

Проблемы: в 56% случаев не устанавливается факт корыстной заинтересованности; в 35% случаев злоупотребления не квалифицируются по ст. 201 УК РФ из-за невозможности доказать корыстную заинтересованность.

2.3. Разграничение со смежными составами

Со ст. 293 УК РФ (халатность) [10]. Основное различие – форма вины: при злоупотреблении – умысел, при халатности – неосторожность. В условиях рейса разграничение осложняется ссылками на объективные трудности.

Со ст. 160 УК РФ (рахи́т). При хищении с использованием служебного положения действия квалифицируются по совокупности ст. 201 и ст. 160 УК РФ [10].

Со ст. 263 УК РФ (нарушение правил безопасности). При нарушении правил безопасности, повлекшем по неосторожности вред, действия квалифицируются по ст. 263 УК РФ [10].

3. Проблемы доказывания вины капитана в рейсе

3.1. Сложности сбора доказательств

Основные факторы, осложняющие сбор доказательств:

1. Изолированность судна от береговых органов правопорядка;
2. Возможность уничтожения доказательств до прибытия следователя;
3. Неохотное дача показаний членами экипажа из-за страха перед репрессиями;
4. Сложности с доступом к судну при совершении преступления в открытом море.

3.2. Особенности допроса участников рейса

Допрос капитана судна: высокий уровень правовой грамотности, опыт взаимодействия с правоохранительными органами, использование профессиональной терминологии для сокрытия сути действий.

Допрос членов экипажа: иерархические отношения, страх перед репрессиями, корпоративная солидарность, необходимость проведения допросов отдельно от капитана.

3.3. Проблемы назначения экспертиз

Морско-техническая экспертиза: дефицит экспертов-моряков, длительные сроки производства, сложность доступа к судну.

Навигационная экспертиза: необходимость анализа данных АИС и спутниковых изображений, сложность установления причин отключения АИС.

Экономическая экспертиза: сложность оценки ущерба в условиях рейса, необходимость анализа большого объема финансовой документации.

4. Рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой охраны

4.1. Законодательные предложения

Предложение 1: Введение специального квалифицирующего признака. Дополнить ст. 201 УК РФ ч. 3, предусматривающей повышенную ответственность за злоупотребление полномочиями, совершенное в рейсе.

Предлагаемая формулировка

«Злоупотребление полномочиями, совершенное капитаном морского или речного судна в рейсе, в условиях автономности плавания, – наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового».

Предложение 2: Закрепление презумпции корыстной заинтересованности. При установлении факта совершения капитаном действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенный вред, в условиях рейса – презумпция корыстной заинтересованности.

Предложение 3: Уточнение понятия «рейс». Закрепить в примечании к ст. 201 УК РФ определение понятия «рейс» как периода

плавания судна от момента отбытия из порта до момента прибытия в следующий порт.

4.2. Организационно-процессуальные меры

Мера 1: Создание специализированных следственных подразделений по расследованию преступлений на морском и речном транспорте.

Мера 2: Разработка методических рекомендаций по расследованию злоупотреблений капитанами судов, совершенных в рейсе.

Мера 3: Организация специальной подготовки следователей по вопросам морского и речного права, криминалистики транспорта.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о трансформации злоупотреблений полномочиями в условиях санкционного давления на российскую экономику. Санкции, введенные с 2022 года, кардинально изменили характер экономической преступности, приведя к качественной трансформации злоупотреблений полномочиями. Если ранее такие преступления были связаны преимущественно с распределением внутренних ресурсов организаций, то в современных условиях они всё чаще направлены на обход санкционных ограничений и извлечение выгоды из нестабильности экономической среды.

Статистические данные свидетельствуют о беспрецедентном росте преступлений по ст. 201 УК РФ [10]: за период 2022–2025 гг. их количество увеличилось на 194%, достигнув в 2025 году показателя 11 247 зарегистрированных преступлений. При этом наиболее тревожным является тот факт, что доля дел с признаками обхода санкционных ограничений выросла с 2,1% в 2021 году до 57,4% в 2025 году, что свидетельствует о глубокой трансформации мотивационной структуры злоупотреблений.

Анализ уголовных дел позволил выявить новые способы злоупотреблений полномочиями, характерные именно для санкционного периода. К ним относятся использование офшорных юрисдикций стран ЕАЭС и Азии, применение криптовалютных инструментов для получения вознаграждения, создание аффилированных структур в странах-посредниках, а также систематическое завышение цен при параллельном импорте. Эти схемы отличаются высокой степенью сложности и трансграничностью, что существенно затрудняет их выявление и пресечение.

Криминогенную обстановку в условиях санкций формируют комплекс взаимосвязанных факторов. К числу ключевых экономических факторов относятся нестабильность экономической среды, дефицит импортных товаров и услуг, необходимость быстрого принятия решений в условиях высокой неопределенности. Организационные факторы

включают ослабление систем внутреннего контроля, отсутствие у руководителей и сотрудников опыта работы в условиях санкционных ограничений, а также давление со стороны собственников, требующих достижения высоких финансовых результатов любыми способами. Правовые факторы представлены пробелами в законодательстве, недостаточной эффективностью правоохранительных органов и сложностью международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Правоприменительная практика сталкивается с серьёзными проблемами как при квалификации, так и при доказывании злоупотреблений полномочиями в условиях санкций. Отсутствие в действующем законодательстве специального состава преступления за злоупотребление полномочиями в целях обхода санкционных ограничений создаёт трудности при квалификации и не позволяет учитывать повышенную общественную опасность таких деяний. Сложность разграничения с другими составами преступлений (контрабанда, уклонение от уплаты налогов, легализация преступных доходов) приводит к тому, что в подавляющем большинстве случаев следственные органы ограничиваются квалификацией только по ст. 201 УК РФ [10]. Неопределённость понятия «санкционные ограничения» и отсутствие чётких критериев их обхода дополнительно усложняют установление объективной стороны преступления.

Проблемы доказывания являются не менее острыми. В 67% случаев следственные органы не устанавливают факт использования санкционных схем при злоупотреблении полномочиями, что связано с применением сложных трансграничных механизмов, использованием офшорных структур и криптовалют. В 58% дел отсутствуют прямые доказательства получения вознаграждения за обход санкционных ограничений, поскольку вознаграждение часто передаётся наличными, через посредников или в форме нематериальных благ. Установление причинно-следственной связи между использованием полномочий и целями обхода санкций осложняется множеством сопутствующих факторов, включая деловую необходимость, ошибки в оценке ситуации и давление со стороны руководства. Недостаточная квалификация следователей в вопросах выявления и расследования новых форм злоупотреблений, связанных с обходом санкционных ограничений, фиксируется в 45% случаев.

Для повышения эффективности борьбы с злоупотреблениями полномочиями в условиях санкционного давления необходим комплексный подход, включающий законодательные, организационно-процессуальные и методические меры. В законодательной сфере целесообразно ввести специальный квалифицирующий признак «в целях обхода санкционных ограничений» в ст. 201 УК РФ [10], закрепить презумпцию корыстной заинтересованности при заключении заведомо невыгодных договоров с

контрагентами из офшорных юрисдикций и усилить ответственность за злоупотребления в стратегически важных отраслях экономики. Организационно-процессуальные меры должны быть направлены на создание межведомственной системы мониторинга рискованных операций, внедрение комплексного подхода к расследованию и привлечение специалистов на ранних этапах производства по делу. Методические рекомендации для следователей должны включать разработку алгоритмов установления санкционного элемента злоупотребления, охватывающих анализ контрагентов, условий сделок, финансового состояния подозреваемых и иных аспектов.

Только системный подход к совершенствованию уголовно-правовой охраны экономических интересов позволит обеспечить реальную защиту от злоупотреблений полномочиями в условиях санкционного давления. Эффективное противодействие новым формам экономической преступности является важнейшим условием сохранения экономической безопасности Российской Федерации и обеспечения устойчивого развития национальной экономики в условиях внешних вызовов и ограничений.

Список литературы:

1. Гаврилов Э.П. Капитанская власть в праве торгового мореплавания. М.: Городец, 2015. 288 с.
2. Доклад Генпрокуратуры РФ «О состоянии преступности в РФ в 2025 году». М., 2026.
3. Доклад Росморречфлота «О состоянии морского и речного транспорта в РФ в 2025 году». М., 2026.
4. Зырянов А.В. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в сфере морской деятельности // Морское право. 2020. № 3. С. 45–58.
5. Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2089.
6. Кругликов Л.Л. Уголовное право. Особенная часть. М.: Юрайт, 2024. 612 с.
7. Обзор судебной практики по применению ст. 201 УК РФ // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 6. С. 45–52.
8. Постановление Пленума ВС РФ от 29.06.2021 № 21 // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 9. С. 3–18.
9. Статистический сборник МВД России «О состоянии преступности в РФ» за 2020–2025 гг. М., 2026.
10. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2.7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шишигин Айсен Егорович

студент,

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный

университет «Синергия»,

РФ, г. Москва

CIVIL ACTION IN CRIMINAL PROCESS

Shishigin Aisen Egorovich

Student,

Moscow Financial and Industrial

University "Synergy",

Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем реализации института гражданского иска в уголовном процессе Российской Федерации. Рассматриваются вопросы, связанные с определением правовой природы гражданского иска, порядком его предъявления и рассмотрения, доказыванием размера ущерба, а также исполнением решений по гражданским искам. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных положений предлагаются пути совершенствования правового регулирования и практики применения гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of implementing the institute of civil claim in the criminal process of the Russian Federation. The issues related to the definition of the legal nature of a civil claim, the procedure for filing and considering it, proving the amount of damage, as well as the execution of decisions on civil claims are considered. Based on the analysis of legislation, judicial practice and doctrinal provisions, ways to improve the legal regulation and practice of applying a civil claim in criminal proceedings are proposed.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовный процесс, потерпевший, возмещение ущерба, права потерпевшего, доказывание, исполнение решения.

Keywords: civil action, criminal process, victim, compensation for damage, rights of the victim, proof, execution of the decision.

Гражданский иск в уголовном процессе представляет собой важный инструмент защиты прав потерпевших от преступлений, позволяющий им в рамках уголовного судопроизводства добиться возмещения причиненного преступлением вреда. Данный институт призван обеспечить оперативное и экономичное восстановление нарушенных прав потерпевшего, а также способствовать достижению социальной справедливости. В Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что закон охраняет права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Статья 52 Конституции Российской Федерации гласит о том, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба. Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве является эффективным видом осуществления данного права лиц [2].

Однако, несмотря на свою значимость, институт гражданского иска в уголовном процессе сталкивается с рядом проблем, связанных с неопределенностью правовой природы, сложностями доказывания размера ущерба, а также недостаточной эффективностью исполнения решений. Указанные проблемы снижают эффективность защиты прав потерпевших и требуют совершенствования правового регулирования и практики применения гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе – это требование, которое заявляется физическим или юридическим лицом, с целью возмещения имущественного и морального вреда, причинённого преступлением, при производстве по уголовному делу [3, С. 144].

1. Правовая природа гражданского иска в уголовном процессе:

Вопрос о правовой природе гражданского иска в уголовном процессе является дискуссионным в юридической литературе. Существуют различные точки зрения, согласно которым гражданский иск рассматривается как:

- 1) Процессуальное средство защиты материальных прав потерпевшего;
- 2) Специфическая форма гражданско-правовой ответственности, реализуемая в рамках уголовного судопроизводства;

3) Межотраслевой институт, сочетающий в себе элементы уголовного и гражданского процесса.

Представляется, что наиболее обоснованной является точка зрения, согласно которой гражданский иск в уголовном процессе представляет собой межотраслевой институт, поскольку он, с одной стороны, является средством защиты гражданских прав потерпевшего, а с другой – реализуется в рамках уголовного судопроизводства и подчиняется его правилам.

Неопределенность правовой природы гражданского иска порождает проблемы в правоприменительной практике, в частности, при определении подсудности, сроков исковой давности, а также правил доказывания.

2. Порядок предъявления и рассмотрения гражданского иска:

Согласно ст. 44 УПК РФ, гражданский иск может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. Однако на практике возникают вопросы о возможности предъявления гражданского иска на более поздних стадиях уголовного процесса, например, при пересмотре дела в апелляционном или кассационном порядке.

Кроме того, существуют проблемы, связанные с определением круга лиц, имеющих право на предъявление гражданского иска. В частности, не всегда ясно, кто является надлежащим истцом в случае смерти потерпевшего или причинения вреда юридическому лицу.

Порядок рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе также имеет свои особенности. Суд, рассматривая гражданский иск, связан пределами уголовного дела и должен учитывать доказательства, собранные в ходе предварительного расследования и судебного следствия. Однако при этом суд не лишен возможности собирать дополнительные доказательства по гражданскому иску, если это необходимо для установления обстоятельств, имеющих значение для его разрешения. Рассматривая гражданский иск в уголовном деле, важно отметить, что гражданский истец подлежит освобождению от уплаты государственной пошлины [3, С. 145].

3. Доказывание размера ущерба:

Одной из наиболее сложных проблем, возникающих при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе, является доказывание размера ущерба, причиненного преступлением. Потерпевший должен

представить доказательства, подтверждающие размер понесенных убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

На практике возникают трудности при определении размера морального вреда, а также при доказывании упущенной выгоды, особенно в случаях, когда речь идет о предпринимательской деятельности потерпевшего.

Для решения указанных проблем предлагается:

1) Совершенствовать методику определения размера морального вреда, учитывая характер и степень причиненных потерпевшему страданий, а также иные обстоятельства, имеющие значение для дела;

2) Упростить процедуру доказывания упущенной выгоды, предусмотрев возможность использования экспертных заключений и иных документов, подтверждающих потенциальный доход потерпевшего.

4. Исполнение решений по гражданским искам:

Несмотря на то, что гражданский иск в уголовном процессе позволяет потерпевшему добиться вынесения решения о возмещении ущерба, реальное исполнение данного решения может быть затруднено. Это связано с отсутствием у осужденного имущества, достаточного для погашения долга, а также с неэффективностью работы органов исполнительного производства.

Для повышения эффективности исполнения решений по гражданским искам предлагается:

1) Усилить контроль за работой органов исполнительного производства;

2) Предусмотреть возможность привлечения к ответственности должностных лиц, виновных в неисполнении судебных решений;

3) Расширить перечень имущества, на которое может быть обращено взыскание по гражданскому иску;

4) Развивать систему страхования гражданской ответственности, позволяющую потерпевшим получать компенсацию ущерба в случае неплатежеспособности причинителя вреда.

Гражданский иск в уголовном процессе является важным инструментом защиты прав потерпевших от преступлений. Однако для повышения эффективности данного института необходимо совершенствовать правовое регулирование и практику его применения. Представляется, что для этого необходимо:

- Уточнить правовую природу гражданского иска в уголовном процессе;

- Оптимизировать порядок его предъявления и рассмотрения;

- Совершенствовать методику доказывания размера ущерба;

- Повысить эффективность исполнения решений по гражданским искам.

Реализация указанных предложений позволит обеспечить более надежную защиту прав потерпевших от преступлений, способствовать восстановлению социальной справедливости и повысить эффективность уголовного судопроизводства в целом.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 30.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст. 4532.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.2003) (с учётом поправок, вынесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. №15. Ст. 1691. 3. Поволоцкая Е. Р. Гражданский иск в уголовном процесс // Актуальные проблемы права. 2016. № 10. С. 143-146.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Парламентская газета. № 241-242. (22.12.2001)
4. Хегай Е. Ф. Гражданский иск в уголовном процессе: проблемы исполнения // Молодой учёный. 2016. №12. С. 650-652.

ARTICLES IN ENGLISH

SECTION 1.

SOCIOLOGY

1.1. SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS, AND PROCESSES

TRADITIONAL AND MODERN IMAGES OF KAZAKH KELIN IN THE DIGITAL SPACE

Sautbayeva Rima Sultanbekovna

*First-year PhD student of the 8D03101 –
Sociology educational program at
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty*

Abstract. Purpose: The main purpose of the review article is to identify the influencing factors characterizing the social roles of Kazakh kelins in the modern context through a literature review. It compares the methods used in the studies, analyzes their strengths and weaknesses, and complements them in my own research.

Methodology: A narrative literature review was conducted in the work by synthesizing the topics.

This article is based on the work on the topics of digital space and kelin image, gender in Kazakhstan and Central Asia, which have been studied over the past five years.

Results: My research identifies the innovative role of the Kazakh kelin, combining tradition and modernity. The formation of these roles is influenced by historical traditional values, digitalization models. That is, the transformation of the social roles of kelins in the family is determined by the localization of the digital space and market modernity.

Conclusion: The image of the Kazakh kelin is a new social role, combining tradition and humanity. Most of the reviewed works are descriptive and qualitative in nature. Therefore, there are obstacles to generalizing the research, and a more in-depth study is planned.

Keywords: the image of the kelin, gender roles, traditionalism and modernity, ethnocultural image, digital space.

Introduction

Currently, the social role of the kelin in Kazakh families is undergoing complex changes due to the rapid development of globalization, digitalization and the market economy. That is, the image of the kelin is undergoing transformation in accordance with modern requirements. The main relevance of this is determined by the need to find a connection and harmony between traditional rules and modern requirements.

General trends in the literature: The studies I reviewed explain the changes in the social image of the kelin through two processes: the first is the kelin, who maintains the stability of traditional duties and values of the family, and the second is the new roles of the kelin in accordance with modern requirements, which have emerged under the influence of the digital space. The image of the Kazakh kelin in the era of globalization is a modern glocalization, formed through patriarchal principles and digitalization. Although in the digital space the kelin seems active, modern, educated, versatile, in real family life the duties of adhering to traditional norms are still the main image of the role of the kelin.

Scientific gap: The analysis of the literature not only shows the contradictions between traditional and modern expectations in the social image of the kelin, but also shows the need to integrate them through comparative analysis.

Purpose of the article: The purpose of this review article is to identify and systematize the socio-cultural factors that have contributed to the change in the gender and social roles of Kazakh kelins in the context of globalization processes.

Methodology

This work was conducted in the form of a traditional literature review.

Literature search and selection: During the review, scientific works (scientific articles, studies, monographs) related to the topics of the social image of the Kazakh kelin, gender roles, glocalization in the digital space and social networks were reviewed. The data used for the literature review were

published between 2020-2025. The literature includes theoretical and empirical studies that study the image of women and gender roles in the domestic and Central Asian contexts.

Data analysis method: The results selected from the literature review were analyzed using the thematic synthesis method. The main research questions of the article – the ethnocultural image of the Kazakh kelin, patterns that form gender role expectations, and elements of social roles – were divided into logical subtopics, and common conclusions were presented in each study. This approach allowed us to identify common trends and contradictions in the literature and to identify the need for research.

Results

The cultural image of the Kazakh kelin in the era of globalization

Based on the literature I reviewed, the ethnocultural image and roles of kelin in the Kazakh family are considered a complex and systematic phenomenon, formed in the current era of globalization under the influence of historical and traditional norms and modern socio-economic processes. Culturally and socially defined practices that determine the image of the kelin in the digital space are considered within the framework of two trends: the first is the stability of roles that preserve traditional family values, and the second is the role that meets modern requirements, characteristic of digitalization and market relations [2, с. 50-57]. In these digital representations, the image of Kazakh kelin, while maintaining their ethnocultural traditional duties, develops their socio-economic roles through social networks and participates in business and entrepreneurship projects [4]. Therefore, the ethnocultural image of the modern Kazakh kelin is not a new model formed under the influence of globalization, but a manifestation of her new facets, while preserving traditional values and norms. Although the image of the kelin in this digital space is reflected in a modern context as an educated, active person, her main role in the family is still connected with traditional duties and beliefs [2, с. 57]. That is, her true role image is closely related to the traditional values of the family. Since traditional values and norms in the Kazakh family are important and fundamentally embedded in education, the image of the modern kelin in the media does not fully correspond to reality [10, с. 222-224].

Therefore, the main approach can be considered to consider the image of the Kazakh kelin in the modern era as a complex glocalization that arose from the intersection of traditional and modern processes. This is an opportunity for my research to compare the image of Kazakh kelin with kelin of other nationalities and identify their differences and similarities.

The influence of tradition and modernization on the gender roles of kelin in the Kazakh family

The analysis of the data clearly shows that the tasks of gender roles are formed not by one, but by the interaction of several types of socio-cultural models:

1. The kinship-patriarchal model based on traditional family values;
2. The country's ongoing modernization and digitalization development strategy;
3. Media content and advertisements related to gender roles;
4. Institutional models established through the labor market and multi-faceted industries.

Based on ethnographic data, we can see that the social role of a kelin in a Kazakh family is formed by the principles of that family. For example: respect for elders, respect for parents, service [10, с. 230]. These norms differ depending on the characteristics of each nation: in some nations, the requirements for a daughter-in-law are strict, in others they are easier. This feature also depends on the traditional values observed in the region where the family is located.

The state, in order to digitize the country, develop the labor market, support women, maintain gender equality, and increase educational opportunities, portrays the role of the kelin as a digitally literate and economically active member of society [4, с. 1-6].

The models presented through the digital space are among the main norms that determine gender roles. According to studies in the reviewed literature, the roles of kelin in the family on social networks and in advertisements coexist with traditional norms and modern images [2, с. 65]. In this regard, contradictions arise in two directions between the models of the social role of the kelin in the Kazakh family.

Market participation in the digital space, i.e. activity on social networks, online work, shopping, contribute to the transition of the traditional roles of the kelin in the Kazakh family to modern roles [7, с. 21-25].

Therefore, the social image of Kazakhs and foreign kelin in Kazakh families can be viewed as a multi-level structure arising from the intersection of tradition, digital media, business, and public policy.

Aspects of the marital roles of Kazakh and other ethnic kelin

Based on the reviewed literature, the socio-marital roles of the daughter-in-law consist of several components:

- performing household work and organizing daily household processes;
- the reproductive function in the family – raising a child;

- organizing and maintaining kinship relations with relatives in the family (relationship with parents, kelin status);
- contributing and organizing income in the family;
- ritual roles and symbols.

Data studies clearly show that household work and kinship relations in the family are the main tasks of the kelin's role [10, c. 235]. In addition, the reproductive social role of a woman in the family directly affects her professional and career role [5]. After all, giving birth to a child and raising a child leads to an additional burden and lack of time for a woman.

The development of the modern digital economy has increased the market activity of the kelin and introduced a new form of her participation in family decision-making [3]. At the same time, the way the kelin presents herself and creates information in the digital space gives her a new social role. This new social role provides a relationship that contrasts with the traditional model of the kelin [2, c. 64].

All of these elements of relationships can be used in my study to reveal the role similarities between Kazakh and non-Kazakh kelin. That is, they can serve as a basis for analyzing the parallels of the social roles of Kazakh and non-Kazakh kelin in the Kazakh family.

The image of kelin in Kazakh families in the digital space

Based on the research of scientists in recent years, we can observe changes in the image of kelin in the digital space in three main directions:

First, the rapid increase in the appearance of kelin in the digital space. Currently, the younger generation of kelin is increasing their economic status, reputation and popularity through online stores, marketplace platforms, and social networks [3]. They are reflected in: shopping, consulting, and providing useful life tips for family life.

Secondly, the widespread use of traditional and modern media images. Based on this work, several social roles of the kelin in social networks are identified: a performing kelin in the traditional image and a modern active kelin.

Third, the different access to digital space. Yes, although the digital space has taken an important place in the life of society, access to Internet sources and devices is uneven. This digital inequality also affects kelin. Urban kelin are more visible in the digital space [4]. In addition, digitalization affects the social image of the youth and changes the understanding of roles in the family [1]. The digital world not only creates new social images, but also contributes to the preservation of traditional family norms.

The influence of social norms on the roles of kelin

Digital space and social norms are factors influencing the formation of the social roles of Kazakh kelin. If the social image of the kelin presented in the digital space is supported, then the kelin has a high chance of increasing her integration into public life

In addition, some situations in social networks measure the main value of the kelin through family chores and appearance, which also become factors that limit her independence [2, с. 64].

Traditional norms in family life significantly restrict the role of the kelin in the media. Because kinship relationships, values, and traditions may limit the acceptance of roles introduced through the media .

Media influence is always formed simultaneously with the kelin's institutional and social capital and media changes it. But it is a conducive environment that connects this change to real life [9].

Professional skills that shape the kelin's experience

According to these data, the main factors that lead to a change in the social role of the kelin are: her education, experience, and skills.

If the kelin's education and experience allow her to express herself in social and economic relations, digital education opens the way to online opportunities and success [5].

Kelin who have the opportunity to acquire education and develop experience in urban areas are more likely to plan their roles confidently [1]. However, without social support from family members in fulfilling family norms, knowledge and experience will not ensure the transformation of the kelin's image [7].

At the same time, there are other obstacles. For example, the region of location, ethnic characteristics. The reason is that some regions do not have access to digital resources and economic skills [4].

Differences in the family roles of Kazakh and other ethnic kelin

Comparisons of kelin based on their interethnic characteristics are very rare, but indirect conclusions can be drawn. Interethnic roles can be found in ethnographic studies. There, the family structure, kinship roles, rituals, traditions and beliefs of each ethnic group affect the status of the kelin [10, с. 240]. This affects the freedom of the kelin, her involvement in decision-making in the family, and her development, and shows differences.

The influence of the labor market and the kelin's contribution to the family fund also affect interethnic roles. For example, if urban kelin have more opportunities, role changes in rural groups are slower to occur [8, с. 45].

The appearance of kelin in the media also affects interethnic perception: some quickly accept and imitate, while others may contradict and provide feedback on traditional roles [6, с. 110].

Media representations can influence interethnic perceptions: some ethnic groups are more exposed to the media, while others may find media representations that contradict traditional norms and provoke a backlash. In conclusion, access to digital resources and traditional norms influence the role of the kelin.

Discussion and Conclusion

Discussion of Results: This review article revealed that the social roles that determine the ethnocultural image of the Kazakh kelin are a multi-level, complex mechanism in the interaction of tradition, modernity, social media, market and state norms. The main point is the ambiguous model of the social image of the Kazakh kelin. On the one hand, the kelin is a performer of traditional duties, and on the other hand, she is an economically active, digitally literate person. Yes, modern requirements may affect the kelin through new social roles, but they do not lose traditional norms in family life. It allows us to reveal a new image of the kelin.

Limitations: The limitation of this review is that it is based only on literature and it may be difficult to fully assess the strength of specific experiences and ritual norms in the daily lives of kelins. In addition, it is taken into account that the results of media influence are always realized together with institutional and social capital.

Suggestions for future research: In the future, attention should be paid to ethnocultural, intra-family relations, and resource mechanisms that determine the role outcomes of Kazakh kelins. In particular, it is necessary to study the impact of the psychosocial values of the kelin during the contradictions between tradition and modernity. In addition, it is necessary to expand on how we define the image of the kelin.

Conclusion: In conclusion, the most accurate approach is to consider the ethnocultural image of the Kazakh kelin, which emerged from the harmony of tradition and modernity, as a relevant and complex structure in the modern era of globalization. This review article has revealed various aspects of the modern image of the kelin and has allowed us to identify what aspects have not been studied and revealed in the literature.

References:

1. Bakhyt, T. S., Mambetalina, A. S. The influence of social media on mediating gender identity and psychosocial values in the student population of Kazakhstan // *Cogent Social Sciences*. – 2025. – Vol. 11, № 1. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/23311886.2025.2525999. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Baskynbayeva, N., Massalimova, A., Omirbekova, A., Kuderina, A., Abikenov, Zh. Trends in the transformation of gender stereotypes: Representation of women's image in the modern media space of Kazakhstan // *Changing Societies & Personalities*. – 2024. – Vol. 6, № 1. – P. 50–68.
3. Kireyeva, A. Kazakhstani women's participation in online marketplaces: Exploring the digital divide // *Journal of International Women's Studies*. – 2022. – Vol. 23, № 4. – P. 102–120. – DOI: 10.3080/JIWS2022.23.4.06.
4. Kireyeva, A. Gender gap in access to multi-sectoral resources // *E3S Web of Conferences*. – 2024. – Vol. 382. – P. 04003. – DOI: 10.1051/e3sconf/202438204003. – Режим доступа: <https://www.e3s-conferences.org> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Kuchumova, G. Women's participation in science, technology, engineering, and mathematics (STEM) fields in Kazakhstan: Persistence four years after university graduation // *SAGE Open*. – 2024. – Vol. 14, № 2. – P. 1–14. – DOI: 10.1177/21582440241074587. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 26.02.2026).
6. Mensah Senyah, M. Digitalisation, gender, and career intentions: Knowledge mapping // *Virtual Economics*. – 2023. – Vol. 6, № 3. – P. 98–115.
7. Mubarakov, Y., Bordiyanu, I., Nurekenova, E. The role of digital technologies in promoting gender equality in Kazakhstan // *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. – 2024. – Vol. 68, № 3. – P. 21–35. – DOI: 10.47703/ejeb.v68i3.409.
8. Sadvokassova, A. Women and digitalization in the public sector in Kazakhstan // *Astana Hub Journal of Public Administration*. – 2025. – Vol. 2, № 1. – P. 45–63. – Режим доступа: <https://astanahubjournal.org> (дата обращения: 26.02.2026).
9. Shah, C. S. The influence of social capital and gender equality: Gender inequality in mobile technology access // *Information, Communication & Society*. – 2023. – Vol. 26, № 10. – P. 1435–1453. – DOI: 10.1080/1369118X.2023.2160492. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 26.02.2026).
10. Zhussipbek, G., Nagayeva, Z. Human rights of daughters-in-law (kelins) in Central Asia: Harmful traditional practices and structural oppression // *Central Asian Survey*. – 2020. – Vol. 40, № 2. – P. 222–241. – DOI: 10.1080/02634937.2020.1791237.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СХ международной
научно-практической конференции*

№ 3 (110)
Март 2026 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.03.26. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,63. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru